

Сигнальный

СМЕНА

16
1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На реке Енисей.

Фото А. Скурихина

НАС ЗОВЕТ ЛЕСНАЯ СТОРОНА СИБИРИ

Слова В. КАТАНОВА

Музыка Н. СТРЕГЛОВА

Энергично

Мы край род- ный, е- сдетства полю- би- ли,
но кры- ла- та ю- ность, дру- мой доро- гой. Нас зовет лес-
у егзе.
- на - я - сто- ро- на Си- би- ри, то- же край со- вет- ский,
аиин.
то- же край род- ной.
1. 2. Для окончания
рой. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

Мы край родные с детства полюбили,
Но крылатая юность, друг мой дорогой,
Нас зовет лесная сторона Сибири,
Тот край советский, тот край родной,
За оном вагона пусть подхватит ветер
Молодые песни счастья и труда,
К сибирю Байкалу мы с тобою едем,
Или отцы, мы будем строить города,
Нас друзья посылку лесною встречают,
За оном мелькают рощи и холмы,
На сибирских стройках мы не подкачаем,
Комсомольской чести не уроним мы,
Сердце не забудет полевые шпирь,
Берега крутые над собой волной,
Нас зовет лесная сторона Сибири,
Тот край советский, тот край родной.

На первой странице обложки:
Пароход «Комсомолец» совершает игу-
ларные рейсы по Байкалу. За отличные
показатели в перевозках экипаж награ-
жден переходящим вымпелом Министе-
рства речного флота СССР. Фото Л. Бо-
родулина.

На четвертой странице об-
ложки: Тина Кокорина вместе с мамой
дочку бродила по павильонам Всесоюзной
промышленной выставки. Устал, она при-
ехала отдохнуть на горячий двадцатипи-
титонный самосвал Минского автово-
да. Фото В. Тюккеля.

Игорь РИНК

Пять минут до отхода поезда

ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

Пять минут до отхода поезда,
Расставаться с друзьями жаль,
И легко и коммюно бозно
Отправляться в такую даль.

Пять минут... Разве тут до шуток!
Кто же с доном прощется рад!
Ведь подумайте, сколько суток
Будут версты лететь назад!

И сомнение закралось, братцы,
В душу такого пареня:
Может, все-таки здесь остаться
Может, верно, кишка тонка!.

Вы за те не судите строго:
Ведь товарищу двенадцать лет.
В первый раз перед ним дорога,
Прямо в будущее билет.

Пять минут до отхода поезда —
И вокзальный шумит перрон.
Может статься, началом повести
Будет скоро любой вагон.

Эта повесть нелепой будет,
Побродя по перрону, друг,
Здесь решаются сотни судеб
И приходит пора разлуки.

Спорт тульский баян с гитарой,
Разгоняя разлук печали,
Комсомольские песни старые
Здесь по-новому звучали:

Фото А. Монлецова.

«Дан приказ ему на запад,
Ей — к востоку путь далек,
Уходим комсомольцы
Строить город на восток.

Уходили — расставались,
Покидали отчий край,
Ты в труде, страна родная,
Нам успеха пожелай!

И, среди молодых затеряный,
Есть товарищ, на вид — за сорок.
Этой песнй порыв уверенный
Для него по-особому дорог.

Ведь в сердце пока не стар еще,
Хоть виски уже седоваты...
И встают перед ним товарищи,
Комсомольцы годов тридцатых.

С ними тракторный Сталинградский
Он завладал в снежной буре,
С ними, хлебом делясь по-братски,
Строил город он на Амуре.

Новостроек немало видел он,
И сибирский зимой стыллой
Молодая жена строителю
Сына крепкого подарила...

Это вспомнилось не без повода,
По особым на те причинам:
Он явился ведь не на прощанье —
Едет он с комсомольцем-сыном.

Весь в отца паренек смуглолицый,
Только плечи отцовских шире,
Едет долг возратить сторицей
Жизнь открывшей ему Сибири.

И стоят они рядом двое
У вагонных крутых ступеней,
Два товарища, два героя,
Комсомольцы двух поколений.

«Продается билет!
Купите...» —
Кто-то вкрадливо произнес.
Может, это шутник-любитель!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 16. 1956 год.

Год
издания
33-й

Нет,
Торгова идет всерьез!

Среди гомона, среди шума
Не услышала весь шлонон,
Что один человек раздумал,
Что для подвига мелок он.

— Но спросили у парня все же:
— Почему продаешь билет?
— Не поеду,

себе дорожке,
Никакого расчета нет.

...По нему в шлононе люди
Не заплучут,
Не закружат,
Без него веселее будет
На душе у других ребят.

Вот в труде добывать победу,
Строить город,
Пускать стени
Целым классом в дорогу едут
Средней школы выпускники.

Не беда, что друзья, как вино,
Не бывали в большом пути
И еще багажом солидным
Но успели пообрасти.

Напегие в эти годы лучше,
Тут недвижимо ни к чему,
Будет жизнь у ребят кипучей,
Будет счастье у них в дому!

...У вагона шестого панника:
Крошка-сын оставляет дом.
Для него нагружает мамышка
Оптом купленный «гастроном».

— Ты, товарищ, как будто напешени,
Но имущества... слишком, брат!

А мамыша в купе по-маршалски
Принимает вещей парад.

— Помни, Юрочка: в сетке курочка,
В белом ящичке пироги,
На вокзалах не кушай, Юрочка:
Своей желудок побереги!

Если трудно там,
Обязательно
Возвращайся опять домой...

Сын на мать поглядел внимательно,
Покачив в ответ головой.

А потом друзьям с удовольствием
Объявил громкогласно он:
— Я считаю, что продовольствием
Обеспечен теперь вагон!

Что за девушка от вокзала
Рядом с парнем сюда идет!
И никак не понять сначала:
Улыбается или ревет...

— Ты откуда такая плакса!
Не случился ли где беда!
— Мы с Серожей сейчас из загса,
— От радости плачу...
— Да!

Сколько судеб, чудесных, разных,
Ты увидишь за пять минут!
Здесь прощание,
словно праздник,—
Погрустишь тебе не дадут.

Секретарь комсомольский кратко
На прощание держит речь —
Как традиции и порядки
Указывать надо и беречь.

Хорошо, если в кабинете
Комсомольцев вокзал и брат
Будет завтра похож на этих
Беззаветно простых ребят!

...Загораются над перроном
Изумрудные огнями.
Провожающих по вагонам
Идут великие проводники.

По вагонам сигнал,
А около,

На перроне, шумит народ.
На оконные дышат стекла,
Что-то пшнут наоборот.

Не посмотрятся, не нахвоятся,
Провожая на край земли.
И показывают на пальцах
Все, что высказать не смогли.

А в конце,
У вагона двенадцатый,
Двум влюбленным
Никак не расстаться...

Объяснятся бы раньше,
Да где уж там,—
Все, о чем он молчал три года,
На прощание поведал девушке
Ровно за пять минут до отхода.

Что ж ты, парень,
Тычи напрасно
Слыу юною чувств твоих!

Слово к молодежи

Мои молодые друзья!
Тридцать шесть лет назад
ленинским планом ГОЭЛРО
началась история электри-
фикации нашей страны. За
эти годы построено много
больших и малых электро-
станций; мы производим се-
годня за один сутки столько
энергии, сколько было про-
изведено за весь 1920 год!
Целое созвездие гигантов
засверкало на Волге, Дону,
Днепре и других реках.

Но гидроэнергетические
запасы нашей Родины оста-
лись еще далеко не исполь-
зованными. Особенно богата
ими Сибирь, которая посто-
янно является неисчерпае-
мым кладом энергетиче-
ских и природных ресурсов.
Достаточно сказать, что

КРАЙ-БОГАТЫРЬ

только на двух реках —
Ангаре и Енисее — будет
вырабатываться около 200
миллиардов киловатт-часов
электроэнергии в год. Себе-
стоимость же киловатт-часа
здесь в два — три раза де-
шевле, чем на гидроэлектро-
станциях Европейской части
СССР. Надо только прило-
жить к этому богатству
руки.

Вы уже знаете, что сейчас
создается первая очередь
Единой энергетической сис-
темы Европейской части
СССР, которая объединит
Куйбышевскую и Сталин-
градскую гидроэлектростан-
ции с Центральной, Южной
и Уральской энергосисте-
мами.

Одновременно будет об-
разована ЕЭС Центральной
Сибири протяжением от
Кузбасса и Новосибирска
до Иркутска. Это позволит
создать наилучшие условия
для наиболее благоприятно-
го размещения промышлен-
ных предприятий, обеспечи-
вая маневренность в использо-
вании энергетических ресур-
сов страны.

Первую очередь ЕЭС Си-
бири, которую вам пред-
стоит строить, составят та-

кие энергосистемы, как Ир-
кутско-Черемховская, Брат-
ская, Красноярская, Куз-
нецкая (Кемеровская) и
Новосибирская. В дальне-
шем к ней будут подклюе-
ны Томская и Иркутская
системы, а также энергетиче-
ские узлы к западу и юго-
западу от Новосибирска.

По своему размаху это
будет величайшая ЕЭС ми-
ра. Мощность ее первой оче-
реди составит около 18 ми-
ллионов киловатт с годовым
производством электроэнер-
гии в 100 миллиардов киловатт-
часов. Какой пресво-
ходный фундамент для со-
циалистической промышлен-
ности в этом богатейшем
крае! Я уже не говорю о
величии дела предстоят
вам, дорогие друзья! И я
уверен, что вы справитесь
с ним, с честью оправдаете
те большие надежды, кото-
рые возлагает на вас наша
любимая Родина!

Великие дела предстоят
вам, дорогие друзья! И я
уверен, что вы справитесь
с ним, с честью оправдаете
те большие надежды, кото-
рые возлагает на вас наша
любимая Родина!

Академик
Г. КРИЖИАНОВСКИЙ

Ведь сегодня в дорогу,
ясно,
Провожали бы вас дохля!
Что же делать,
Сажки на любовь,
Что же выдумать можно тут,
Коль такая любовь открылась
До разлуки за пять минут!

А у них разговор сердечный:
— Ты приедешь ко мне!
— Конечно!
И целуются, что ж, не грех,
В первый раз на виду у всех!..

В этот миг над толпою плотной
Паровозный пропал гулок.
Поезд тронулся нескотоно —
Постоять бы ему часок!..

На перроне грустят мамаш,
Своей покой проводне далеко,
А ребята пост и машут,
Сразу грустно им и легко...

В путь ушло молодое племя,
Ты, завидуя, вслед взгляни,
Мой ровесник,
Ведь было время —
Нам завидовали они.

Вечно кажется
По традиции
Поклонами, идущим вслед,
Что опаздывают родиться
На десяток горячих лет.

Вспомни, друг,
Как в бою хотелось,
Не сбавляя, идти вперед,
В полный рост,
Потому что смеливость,
Говорят, городе берет!

Мы с тобой под ревущей сталью
Шли за огненным валом вслед,
Мы партиями оба стали,
Комсомольцы тридцатых лет.

Но с былым комсомольским жаром
Ты воркуй себя посмотри,
Как приходит на смену старым
Молодые богатыри.

Сил отпущено им без меры,
И теперь уже не тебе —
Им завидуют пионеры,
Романтической их судьбе.

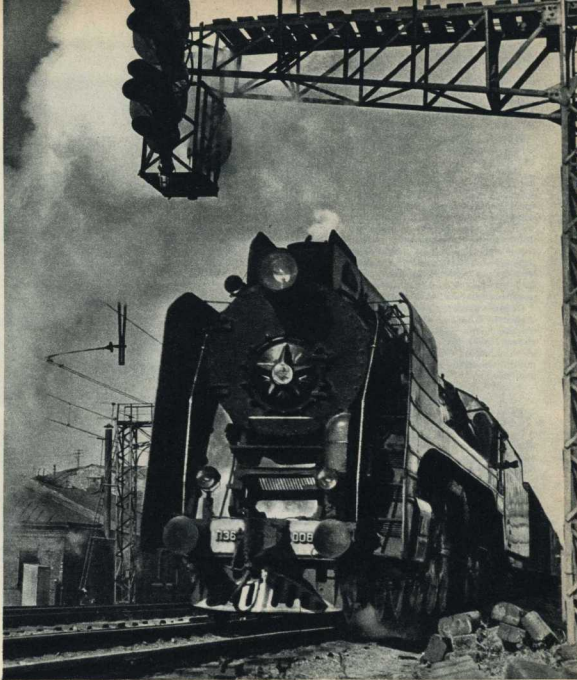
Племя юнов загорелось
Негасимым огнем труда,
Ты пускай же отныне
Смеется
Странт Родине города!

Слушай, друг!
На путях Державы,
На тяжелых стальных мостах,
Там по стыкам

«будет так!» стучат составы:

Будет так!

Будет так!

Слово к Молодежи

КЛАДОВАЯ СОКРОВИЩ

Тысячи молодых патриотов отправилась на Дальний Восток, Крайний Север, в Сибирь, чтобы освождать у природы ее несметные богатства, поставить их на службу советскому человеку.

В течение ближайших десяти — пятнадцати лет на Востоке будет создана третья мощная металлургическая база с производством 15—20 миллионов тонн чугуна ежегодно. Уже в 1960 году выплавка этого металла в нашей стране достигнет 53 миллионов тонн, из которых почти половину — более 23 миллионов — дадут Урал и Сибирь.

Основу третьей металлургической базы составляет Южно-Ангарские и Ангаро-Илимские месторождения железной руды, а также месторождения Горной Шории, Хакасских и Тувы, Кузнецких конусовидных и восточносибирских сланцевых углей.

В последние годы советские геологи открыли новый мощный угольный бассейн в Южной Якутии — Чульмановский. Он станет надежной базой для развивающейся черной металлургии Забайкалья и Дальнего Востока. Воркутинские, хальмер-юссие и смирнин-

ские конусовидные угли Пенчорского бассейна привязаны непосредственно к Полярному и Северному Уралу. Новая Урало-Печорская железная дорога, которая будет построена в седьмой пятилетке, оторвет эти углы доступ на металлургические заводы Урала — и городам Сарову, Нижнему Тагилу и далее — к Ленинграду и Череповцу.

Не менее грандиозные задачи стоят перед советским народом и в области создания на Востоке новой крупнейшей базы по производству электроэнергетики. Достойно напомят, что 89 процентов потенциальных гидроэнергетических ресурсов СССР сосредоточено в могучих потоках восточносибирских рек.

Наступит день, когда эта энергия потечет в отдаленные районы Восточной Сибири — на заводы, фабрики, в поселки и города. Уже в шестой пятилетке линии высоковольтных передач протянутся от Новосибирска до Сталинска и от Иркутска до Братска. Сюжетом мощной Ангаро-Енисейской промышленной район, который обеспечит развитие энергоемких производств алюминия, магния и других. Выростут электрохимические, электрометаллургические, углехимические и нефтехимические предприятия. Получит большее распространение производство искусственного волокна и синтетического каучука. Огромные лесные массивы, имеющиеся здесь, значительно позволят расширить деревообрабатывающую, целлюлозную, бумажную, гидроэнергетическую и лесохимическую промышленность.

Трудно передать все величие перспектив, которые открываются перед молодежью, отбывающей на освоение новых районов Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера — это края неисчерпаемых сокровищ.

Академик В. НЕМЧИНОВ,
председатель Совета по изучению
производительных сил
при Академии наук СССР

В палатке сыро. На улице морозит дождь. Дням мы работаем, а теплые, развеселим над печуркой свои робы и портянки и пьем чай. Лешка накинул шинель прямо на голое тело, а поверх чистой рубашки надел зимнее пальто, а Кости сидит в пижамах.

Вместе с нами пьет чай Александр Петрович Висулов, директор совхоза.

Хотя директор и раньше к нам заглядывал, чай с нами он пьет впервые. Мы прекрасно знаем, почему он к нам пришел, и он знает, что мы это понимаем, но никто не заговаривает о том, что произошло. Всем неловко.

В душе прожидно дождь, который не позволяет выйти на улицу и идти в степь. Идти, идти, двигать ногами, только бы поддать тяжелые, некорошие мысли!

Палатка кажется необычно просторной. Одевал, которое долго отстранивало ее углы, сейчас снято. На узком и высоком ящике, покрытом газетой, одиноко стоят зеркала и лешкин бритвенный прибор.

О том, что произошло, лучше не думать, но не думать об этом невозможно.

Сегодня до Кости уехала жена. Раньше мы жили в палатке вчетвером. Глядя на молодоженов, мы с Лешкой втайне завидовали Косте и жене, что не успели жениться до отъезда на целину. Нам было приятно, что в нашей палатке хозяйничала милая женщина с прерывистым и печальными серыми глазами. Иногда они чем-то напоминали нам тургеневскую девушку, иногда мы видели в ней пушкинскую Татьяну, иногда нам казалось, что в палатке сидит Анна Каренина.

Короче, мы с Лешкой были немного влюблены в кистиную жену и, может быть, именно поэтому не могли влюбиться в девчат, которые приехали на Алтай вместе с нами. Кости из них мы не сравнивали с Лешкой, все были другие. Одна — не такая красивая, другая — не такая умная, третья — не такая женственная.

Люба уезжала на Алтай неохотно. Она очутилась здесь только потому, что сюда поехала Коста. Но это ничуть не роняло ее в наших глазах. Даже наоборот, нам казалось романтичным, что ради Кости она уехала из обеспеченных родителей, из удобной московской квартиры.

Мы с Лешкой видели, что она переживает, когда Косте, инженеру с дипломом, приходится вместе с нами перебивать на своих плечах станки для ремонтной мастерской, копать ямы под фундаментами, возить в тачках бетон. Но мы ни разу не слышали, чтобы она зурляла. Кости за это, или за нашу тесноту и дымную палатку, или за то, что ей, учительнице, приходится замерзшими пальцами выступать на машине директорские бумаги в области и в Москве.

Мы ни разу не слышали, чтобы Люба с Костой спорились. Люба в те дни, когда она получала из Москвы толстые заказные письма от матери, Коста ходил палатки и не давал урля.

Однажды, когда в палатке никого не было, я взглянул в забытый на ящике листок. Мать писала Любе, что она молода, красива и хороша. Составил. Пожеланий нет никакой необходимости из-за костяных фантазий хоронить

Рисунок В. Орлова.

И. ДАВЫДОВ

АЛТАЙСКАЯ СКАЗКА

Рассказ

себя в Сибири и становиться колхозницей.

Больше я прочитать не успел: волею палатки раздвинул шаг.

Когда вечером я рассказал об этом Лешке, он крепко выругал меня, напомнил, что нужно письмами читать непримично, и заявил убежденно:

— Чхать на это! Нашу Любу никто не своротит!

Мы были настолько уверены в ней, что, когда нам с Лешкой самим становилось невмостою и появлялось подленькое желание плюнуть на все и удрать домой, кто-нибудь из нас обязательно произносил:

— А как же Люба?

И все сразу становилось на свое место. Если это может вывести Любу, то что же говорить о нас!

Живя в одной палатке с Костей, мы из-за Любы иногда почти не

замечали его. И поэтому мы часто удивлялись, когда слышали разговоры ребят о чудесном парне, с которым нам якобы посчастливилось жить вместе. Лешка даже не всегда понимал, что речь идет о Косте. Когда Косте избрали секретарем комсомольской организации, мы тоже не увидели в этом ничего особенного — секретарь так секретарь. Хорошо, что наш сосед: взносы платить удобней.

Нам казалось вполне естественным, что он первым берет за все трудные дела. Эше бы, ведь у него такая жена!

Мы ничуть не удивились, когда во время пожара на складе Коста просочился через огонь и стал выкапывать бочки с бензином. По нашему мнению, любил муж обязан был сделать это первым.

И, кажется, только сегодня мы

поняли, что Коста нам очень дорог. Мы поняли это, вернувшись с работы и увидев его растерянным, до нитки промокшим, как и мы, с большими, удивленными глазами и измятой запиской в руке.

«Милый Кости!» — прочитали мы. — Прости, что сделала все так, а не иначе. Болелась, что не выдержу и станусь. После обеда уеду с почтовой машиной на станцию и затем в Москву. Договорить меня не надо: машина приходит прямо к поезду, и ты все равно не успеешь. Оставаться здесь я больше не в силах. Видно, я слышала слезы, чтобы решиться похоронить себя в Сибири. Даже ради тебя не могу больше выносить такую жизнь. Жаль, что не послушалась перед отъездом маму. Она, как всегда, оказалась права. Если ты вернешься в Москву, мы можем счастливо жить вместе. Прости меня и пойми. Твоя Люба».

Мы с Лешкой стояли, опустили руки, и ничего не могли сказать. Вода капала с ящика мелкок и латинки, хлопала а сапогах. Страшно хотелось раздеться и обсушиться, но почему-то это желание казалось сейчас неприличным.

В конце концов Лешка молча стал растаптывать лешку. А я так же молча начал стягивать с Кости мокрую шапку и куртку.

Через полчаса на лешке купил чайник и Лешка раставила стаканы на переворотном ящике, который служил нам столом.

За все это время было сказано только одно слово. Вытаскивая из глубины ящика банку с сахаром, Лешка уронила ее и с досадой произнес:

— А, дрянн!

И тут я неожиданно вспомнил, что вчера Люба получила толстое заказное письмо от матери.

— Кости, — спросил я, — ты, когда женился, знал, какая у нее мать?

— Знал, — ответил он. — Да ведь женился я и не на матери... Думал, уедем, и все кончится... Вот и кончилось...

— Когда директор совхоза вошел в палатку и устроился на мой кровати, мы поняли, что он уже все знает.

Лешка с независимым видом поставил на ящик еще один стакан и стал разливать чай. А я достал банку мамочкиного варенья, которую берет в чашедаме неизвестно на какой случай.

После первого стакана Лешка молча проговорил:

— Надо в ее школу написать... Пусть знает!

Мы этого показало мало, и я предложил написать в «Комсомольскую правду». Люба может пойти на работу и в другую школу. Пусть уж знает везде!

— Не надо кидать письма! — задумчиво произнес Кости.

— Это почему?

— Не надо, и все. Пусть делает, что хочет!

Мы не стали спорить. В конце концов это действительно было бы похоже на место, и Люба часто говорила, что место недостойно культурного человека.

Директор слушал, нетерпеливо вытаскивая пальцами сигаретку и не глядя, соевая и инициалы.

— Я, ребята, — проговорил он, затанцуешь, — слышал когда-то в юртах одну сказку. Совсем уж было забыл про нее, а сегодня вспомнил. Хотите, я инициалы?

— Рассказывайте! — буркнул я и

«КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»

подумал: «Конечно, лучше уж сказки рассказывать, чем молчать».

Александр Петрович заткнулся еще раз и начал:

— Давным-давно, когда не было еще даже дедов наших дедов, жила в горах Богатырь с большим сердцем. Он был добр и любил всех людей на земле. Большие люди всегда добрые. И народ любил своего Богатыря. Как и все добрые люди, он был доверчив, делал только хорошее и не верил, что за добро могут отплатить злом.

Однажды богатырь встретил красавицу — дочь великого хана, полюбил и доверчиво отдал ее в руки свое большое сердце. Он не разгладил под дорожными одеяниями красавицы маленькое злое сердце, в котором умещалось только любовь к себе. Вначале ханская дочь гордилась тем, что владеет сердцем Богатыря. Но потом увидела, что его невозможно удержать, потому что большое сердце бьется не только для нее одной, а для всего народа.

«А зачем мне такое большое сердце — подумала красавица. Пусть оно будет поменьше — мне станет легче...»

И она начала отрывать от большого сердца кусочки и бросать их. А мужчины из имени богатыря подбирали кусочки этого сердца и прятали на груди.

— Берите, берите! Мне не жалко!

Большому сердцу было больно. Но оно не могло вырваться из рук красавицы. Сердце любило их даже тогда, когда оно рвало его на части. Оно становилось все меньше и меньше, но все становилось легче, потому что любовь к людям не уходила из него.

Красавица рассердилась и бросила его на камень. Сердце сразу разлетелось, но все стороны и с тех пор по ночам эти искры светят людям с неба.

Но красавица скоро затосковала. Ведь женщины часто жалуют о том сердце, которое они потеряли или разбили.

«Надо вернуть себе большое сердце», — подумала она. — Я отберу у людей те куски, которые когда-то бросила мне!»

И она стала ловить всех, кто попадается под руку, и отрывать у каждого по кусочку сердца. Но из кусочков разных сердец не складывалось одно большое.

Многие мужчины забывают, что не все красавицы добрые. И когда она вырывала у них кусок сердца, они удалялись и уходили в другие женщины, которые умеют бережно хранить сердца мужчин.

Никто не жалел о красавице. Никто не сложил про нее песенно. Зачем складывать песни про тех, кто любит только себя? А про большое сердце и про его осколки — звезды до сих пор поют люди...»

— Мы и не заметили, когда директор замолчал. Нам казалось, что сказка все еще продолжается. И когда в печке треснуло полено и сног искр вылетел через открытую дверь из задымленной палаты в яду поучаствовал, что сердце у меня по-настоящему болит, как будто кто-то вырвал из него кусочек. Мне представился тонкая старая фигура в старомодной пальто с меховой отделкой, которого кожаный чемодан, которого уже нет в нашей палатке, и красивый олень убагающего в темноту поездов.

Павел Романович — мой хороший знакомый. Он, надо сказать, человек с некоторыми странностями. Если вы предстаните ему, он долго будет повторять вашу фамилию, стараясь что-то припомнить: «Акимочки, вы говорите? Не вы ли брат в Кузуде из «Зеленостроителей». А может, вы из тех, засерных, что от деда Никшики идут?» «Какого деда?» «Да того, у которого послышки записывают. Онги нет?». А вы, случайно, Акимовым не родня? Тем Акимовым, что под Волчинымским бором живут?.. Так откуда же вы? Приезжий?.. Тогда ясно, незнакомый, значит. А в Каминье, простите, у вас родных нет?»

Павел Романович — главный бухгалтер Березниковой МТС. Ему за пятьдесят, он хорошо знает здешние места, хотя за последние время края наш до неузнаваемости изменился. Ничего в сибирских степях услышавши и москвичи и волжский топорик и мягкую украинскую речь.

«Нашеватем двуязычные языков» шутило называет переселение горской молодежи в великую степь изувачивал Павел Романович. После двух лет жизни бок о бок с новоселами он стал относиться к ним с уважением, хотя попрежньому любит пугать новоселов рассказывая о морозах, февральских бурянах и летним пещаными бурями.

Есть одна чудесная способность у Павла Романовича — с удивительной точностью запомнил все, что происходит и что должно произойти в ближайших и дальних уголках района. Павел Романович хорошо знает, что изменилось в том или ином месте с прошлого года, что нового появилось, например, в селе Сухог Рахит или, скажем, в Мамозинке.

— Ветку тянут. Комбинат у озера начал строить, — скажет он, — мелочью взглянув на работающий недалеко экскаватор.

Прошунит у ветрового стекла зеленая рош кукурузы — Павел Романович промолвит:

— Кукурузовая бригада. Петнеров по двадцать соберут... Здесь, между прочим, прошлым летом волчий выловок вялал...

Я много знаком с этим районом и потому всегда рад был спутником Павла Романовича.

Не так давно я встретил его в райцентре, у госбанка. Он уже кончил дела и собирался ехать на свидание директора МТС домы, в Березники.

Мы наскоро перекусили в чайной и авторипились в путь. Павлу Романовичу нужно было поспеть в МТС к началу рабочего дня.

Столка равняя осель. К ветровому стеклу прилипла серебряная выточка паутины. Она дрожала от встречного ветра, и казалось, что вот-вот сорвется.

Воздух был на редкость свежий и прозрачный. Из-за горизонта непроститным зыбком поднимались башни нового элеватора.

— Это первый, — заметил Павел Романович. — Еще два будут построены...

Я что-то сказал насчет новоселов: молодых, чужих, поворт.

— Как же, чудеса! — на привычке заворчал Павел Романович. — На готювочные пришли... Наш опыт, наша практика. Все специалисты наши, местные...

Шофер Гриня покосился на главушку, усмехнулся, но ничего не сказал.

Славный он парень, этот шофер! Важный, общительный. И, кроме всего прочего, мастер своего дела: по ухабистой дороге он ехал со скоростью в полсотни километров в час. И находился под постоянным страхом, что рессоры обязательно «полетят», и нам придется «загорать» на полушту.

Ловко переключая скорости, Гриня то и дело подглядывал на черный циферблат спидометра. «Зачем он это делает?» — подумал я и из любопытства спросил:

— Со спидометром что-нибудь случилось?

— Да нет! — весело ответил Гриня. — Тут дело особенное.

— А что именно? — заинтересовался и Павел Романович.

— Посмотрите! — торжественно произнес шофер.

Мы взглянули на спидометр и увидели на нем цифру «39991».

— Кольцо заканчиваю... — гор-

достью продолжал Гриня. — Сорок тысяч километров! Землю по экватору объехал. Одним словом, кругосветное путешествие совершил. Он сказал это с такой хорошей, душевной улыбкой, что мы с Павлом Романовичем в один голос согласились, что событие это действительно примечательное.

Проедять сорок тысяч километров по ухабистым, труднопроходимым дорогам — куда более сложное, чем совершить обычное кругосветное путешествие. Зимой замет дороги, и машина едва пробивается сквозь снежные барханы. А кому лучше шофера известно, что такое талые воды и апрельская распухота? Когда начинается сев, делами днями едешь из бригады в бригаду, и каждый километр дается с немощным трудом. Из-под колес во все стороны летят комья грязи, надырывается перегретый мотор. В ход нередко идут и лопата, и цепь, и ветка, а гагаки — ни с места...

Да не так-то легко проехать сорок тысяч километров даже по землям одного МТС — крошечному кусочку планеты, который на глобусе должно быть, выгладит бы меньше булавочного укола! Зато шоферу на всю жизнь должны запомниться здесь каждое слово, каждая тропка. Я спросил Гриня, так ли это.

— Куда уж тут запомнить! — ответил он. — Земля ведь мненется. Все переналка. Старожилки и я в твой раз дорогу спрашиваю, а я тебе только второй год тут:

Фото П. Борисова.

целинник... Бывало, ночью с ребятами по комлосу дорогу находил. А у тебя что, и комлос есть? — Как же между прочим спросил Павел Романович. — Есть. А мы разве не видели? — И Гриша достал из кармана пластмассовую коробочку. — Вот они, поглядите.

В картонной подушечке лежал маленький комлос с чеканным узором на серебряной оправе. Я отпустил торжок — и тоненькая воюющая стрелка ожила, заметалась.

— Чудесная вещица! — сказал я. — Где взял? — Гриша бережно спрятал коробочку и произнес: — С собой привез, из дому.

— Ну, а дома не мажма же давал? — заметил Павел Романович.

Гриша, видя, как большое впечатление произвела на нас уникальная вещь, нетерпеливо сказал: — Да ясно, что не мажма подарил. Мать у меня была старухой, хозяйка. С Укранин мы Город Золотошю знаете? А село, где мы жили, называется Дельга. Отец погиб на войне... В летние время мы с матерью работали: сестра на фабрике, а я в лесу ходил. Откуда у нас взялась такая вещица? — Нашел где-нибудь?

— Нет. Подарили. Я школу очень любил. И не так школу, как учителя географии Иннокентий Митрофанович. Мне интересно было на его уроках! Принесет открыток всяких, фотографий, старых книг. Если про Италию начнет говорить, то обязательно расскажет какой-нибудь в Азию, как Везувий дымил, как выскочили сардин лавы. И так ясно все видишь, будто и в самом деле в море у Капри искупались или в джунгли покатался в Бенени. Иннокентий ботанику тоже знал: кусты: а вдруг там не венедиканский канал, а гуси бабки Анапийки бродят... Как завероненные, сидели мы на уроках Иннокентия Митрофановича, и сердце предостерегло слышно. Глубоко заглял мне в душу рассказ учителя. Шестиклассником насыпал я сухарей и уехал из дому. Решил до Одессы на поезд добраться, а там на оксидский парокд пересел. Да, как на грех, наш председатель колхоза увидел меня в Золотошню, втащил в свою машину и привез к матери. Ну, понятно, ремеш походил по моему сплне.

Но все же я решил весной в Азию поехать и сделаться проводником, а своим намерением Иннокентий Митрофанович не одобрил, «хлопец», — сказал он. Но посоветовал отложить путешествие на неделю, будто бы для того, чтобы точной картой снабдиться. После долгого разговора он привел меня к себе домой и дал «Фрегат «Палладу» прочитать. Посидел я вечером над книгой да так увлекся, что и ужинать не стал. Целую неделю, пока не кончился холд, как оговаривали: то устроу японских островов видится мне, то Гомолуду, то широм в открытом океане. Вскоре пришел я опять к Иннокентию Митрофановичу, чтобы обговорить карту, и напомнил ему и поворуду у него еще что-нибудь вроде «Фрегата «Паллада». На этот раз он дал мне «Вокруг света на корабле «Винд» и служил в миклоном туземцев, чтобы «все вполне надежно было». Потом учитель преподлил мне Жюль Верна, Арсеньева, Майя-Рида.

А кончилось это тем, что Иннокентий Митрофанович совершенно неожиданно для меня сказал: — Хватит тебе, Григорий, дурака валять! Пока не получишь аттестата зрелости, и не думай трюставаться куда-нибудь...

Так и жил я в нашем селе Дельга. Бывало, в поле на скирде стоишь, и мне все кажется, что это не море у горизонта, а волны морские катятся. Вечером ребята к речке идут, с гармошкой, с песнями, а я с книжкой на горшке сижу. Снежу иной раз до самой зари, при свете слетучей мыши читаю. Школу окончил без медали, конечно. А на выпускном вечере Иннокентий Митрофанович, пожелав мне «счастливого плавания», подарил вот этот комлос.

Гриша с улыбкой посмотрел на нас: что, мол, вам еще нужно от меня?

— Ну, а с путешествием-то как? — подчеркнул равноду-

шно — и побежала машина по дороге! Будто крылья у меня выросли за плечами. И опять я поведу, и опять все же доведется покатиться по свету. — А к нам-то, на Алтай, как ты попал? Каким ветром в эти края занесло?

— Как попал? Очень просто: ехали ребята и меня с собой взяли, — ответил Гриша.

Не отрывая руки от руля, он хотел прикурить, но, заметив, что спидометр показывает «39998», перестал сидеть и оторвался от руля.

Мы пристально вглядывались в дорогу, гадая, где именно суждено остановиться директорскому экипажу, завершающему путь, равный путешествию вокруг света. «Вон у того столба», — позвала я, прикинув расстояние: столб стоял как раз у моего поворота на МТС. Гриша сбавил ход, не свояга глаз с спидометра. Да и мы боились пропустить мгновение, когда

того, что можно было бы взять на память об этом событии, здесь не оказалось. Павел Романович отошел в сторону и скоро вернулся с пучком засохшего ковыля, серые концы которого уже были рассыпаны без весть где, но сам он, целинник жилец, выглядел еще крепким: гулял, но не доложил.

— Вот-и, Гриша! В следующий раз прислешь — не найдешь. Гриша бережно вложил пучок сухой травы в книгу, и мы тронулись дальше. Несколько километров проехали молча. Как только миновали безрезьничек, перед нами открылся чудесный вид. На противоположном берегу реки вьсы, как на ладони, перед нами раскинулся поселок МТС. Новая лесовая дома построены, как по шпурку. Стекла окон ярко вспыхивали в лучах предзакатного солнца. У самого поселка, как огромные зеркала, поблескивали зеркала водоемов. Серые берега еще не успели зарости осокой.

— Вот вы интересуетесь, как я сюда попал, — продолжал Гриша начатый разговор. А знаете ли вы, что я и на самом деле путешествовал? Да, так и сообщая в своих письмах Иннокентию Митрофановичу: курс прежний, путешествие продолжаю. Сегодня, пилу, приехал на южном берегу озера назад здесь поляны стояла, а теперь посеян хлеб. Десятки раз писал ему о нашем поселке, и все по-разному: то новая улица у нас образовалась, то шахты открылись, то гараж построили. И думаете: старик не понимает? Все понимает! Вот почитайте...

Гриша протянул нам почтовую открытку. На одной ее стороне было изображение вид из окна какого-то южного города: голубое море сквозь ветлы пальм просвечивает; вдаль белая, как чайка, яхта плывет. А на другой стороне — фотография, на которой черком было нарисовано следующее: «Мой мальчик, у тебя в сравнении с твоими великими путешественниками тот принципиально плес, что они открывали уже существовавшее, а ты открывал то, чего еще никогда не было на Земле.»

Но вот мы наконец въехали в поселок, и сердечный, доверительный тон Гриши внезапно исчез. Он, видимо, был смущен тем, что так разоткровенничался, и, чтобы окончательно переменить тему разговора, сухо спросил, не глядя на нас:

— Так куда везти: к конторе или к дому?

.....

— Мы стояли с Павлом Романовичем на крыльце конторы и долго смотрели встел «двух», который, развернувшись, перешла через мост и вскоре исчез за кукурузным полем. Не хотелось нам заходить в контору, не хотелось толчас браться за сидел и отел.

— Вот вы говорили о новоселках... начал я.

— Да вовек не Гришу я имел в виду! сердито перебил меня Павел Романович. Он мне много много два года здесь, мать с ним живет. И сестра агроном работает у соседей. Какой же он новосел! И дядя его к ним недавно привез. Отлично разводит скот, ремонтирует. Не знаешь? Ну, понятно. Вы же приезжий...

Село Власовичей, Алтайский край.

Слово к молодежи

ВОТ ГДЕ СТАТЬ ЗАКАЛЯЕЛИ!

на перых порах. А иногда даже и испуганными. Непривычно стеснительно и другим дремучая тайга. Рывалась болотная грязь не просыпала перед нами, заставляла нас впадалах, в землянках, развалинах, заводских цехах, морщинах пни, проваливаясь дороги, рыли осушенные каналы.

Трудно было. Упиралась тайга. Но люди своим упорством, энергией, умением покорили ее. И вот над Амуром задымился первый заводской дым, появились первые светлые, многоэтажные здания, все дальше и дальше отступил тайга и болото. Рос и хорошея Комсомольск. А на берегах реки — и мычали его строители. В борьбе с трудностями воспитывались тысячи заводских кадров. Город юности стал для десятков тысяч комсомольцев боевой школой. И надо прямо сказать: кто прошел эту школу, тот можно быть уверенным, он не поведет, не растеряется, минуя серьезного испытания.

Сейчас тысячи юношей и девушек следуют героическим традициям комсомольцев предыдущих поколений, отправляются по призыву партии и правительства в Сибирь, на Север и Дальний Восток. Они построили там новые города и поселки, заводы и электростанции, поставили перед собой задачу: человеку несметные богатства земли и воздуха. Впереди открывается для новых героических свершений молодости! Вот где вы должны пройти свое испытание.

Пройдет немного времени — и вы будете трудовыми героями, парадом молодые патриоты Родины. Выростает на Востоке, в Сибири, в северных краях города, поселки, и появятся тысячи новых городов и поселков, которых с восхищением будут говорить потомки.

Героями первыми вы, дорогие друзья! Желаю вам больших успехов в вашей большой и трудной работе!

А. МАРЕСЬЕВ,

Герой Советского Союза

шнем спросил Павла Романовича, стараясь не выдавать своего врожденного любопытства.

— После школы я год работал учителем в МТС: это было что-то стрелу-стелу помогать. Потом ушел в армию. Думал, что здесь-то начнется заветное, удастся свет повидать. Но попал в пехоту и служил в миклоном туземцев, чтобы «все вполне надежно было». Потом учитель преподлил мне Жюль Верна, Арсеньева, Майя-Рида.

Но вот столб остался позади. Иннокентий Митрофанович неторопливо и тихо отстоялся на гладком поле. Мы с Павлом Романовичем подлазили Гришу: — Вздоль и поперек тебе всю тайгу объездишь, а там и выйдешь на наши машины. Место будет по-настоящему торжественным. Но, к сожалению, ничего та-

Г. СИДОРОВ

ЗЕМЛЯ БЛАГОДАТНАЯ

Мне как географу не раз доводилось путешествовать по Красноярскому краю. Я плывал по Енисею, по его малоизвестным притокам — Елогую, Турухану, Хангайке; пересекла все широты и долготы края на самолете; пешком ходил по тундре, тайге и степи; наблюдал незакатное солнце и сплюски Заполярья.

Нового человека Красноярский край поражает своими громадными просторами, несметными дарами природы, исключительной красотой и контрастами ландшафтов. Здесь получаешь подлинное представление о замечательной стране — Сибири. Досадно, что это представление часто мало совпадает с теми сведениями, какие можно почерпнуть со страниц учебников географии. В них почему-то принято рисовать Сибирь как страну жестокого климата, вечной мерзлоты. Дель, суровы здесь зимы, но при полном безветрии и сухости воздуха сибирские сорокаградусные морозы переносятся людьми примерно так же, как московские двадцатиградусные.

Благодатно лето в Сибири. Не только в южных районах, но и близ границы Полярного круга бывает оно жарким, знойным. В тайге много малины, грибов.

Почти весь Красноярский край входит в область вечной мерзлоты. Но летом верхний слой

~~~~~
Вот он канов, Енисей! (Снимок сверху) Здесь будет старое плотинное Красноярской ГЭС.

На берега великой сибирской реки пришли изыскатели. На снимке внизу: Николай Данилов, заместитель начальника топографического отдела Ленинградского института гидроэнергостроения, и техник-гидротопограф Инна Гавринова.

Фото А. Скурихина.

Строители дорог живут в палатках. Они «ючат». Постоянного места у них нет. Те же, кто будет занят непосредственно на сооружении гидроузла, стараются обосноваться покрепче.

земли оттаивает, и посевы на полях колосятся тучные хлеба. Ученые выяснили, что мерзлота нередко положительно влияет на рост культурных растений; она сохраняет влажность в засушливую пору.

Читатель! Давай отправимся с тобой в поход по просторам одного из самых обширных сибирских краев — Красноярского. Ты собственными глазами убедишься, сколько здесь для молодежи нового, интересного, неизведанного.

В МИНУСИНСКОЙ СТЕПИ

Я часто встречал людей, которые выражали немалое удивление, узнав, что на юге Краснояр-

ского края есть степь, очень похожая на степи Южной Украины. Ее называют Минусинской — по имени котловины, на дне которой она расположена.

Плодородна Минусинская степь! Она покрыта мощными черноземными и каштановыми почвами. Под ними лежат лёсы, которые еще более повышают плодородие. Много здесь тепла, иногда оно даже избыточно. Какие арбузы, дыни, помидоры вырастают местные колхозники!

Но главное богатство Минусинской степи — зерно. Этот район — житница Красноярского края. В ближайшие годы здесь будет освоено еще около миллиона гектаров целинных земель.

Бассейн реки Абакана отличает-

ся засушливым климатом. С давних времен в этих местах применяется искусственное орошение полей и лугов. Но особенно широко развивается оно теперь.

На юге Сибирь славятся минусинские сады. Сад становится непрременной деталью ландшафта. Едешь сейчас по степи и видишь, как на фоне бескрайних пшеничных полей то там, то здесь у горизонта виднеются большие яркозеленые облака. Так и знай: это колхозные или совхозные сады! Весной они дают о себе знать розовым цветом зловон, вишен, а осенью — ароматом спелых плодов. Сады приносят высокие урожаи. Селекционеры-садоводы вывели свои сорта — скороспелые, морозоустойчивые.

Путешествуя по дорогам и тропам Минусинской степи, встречаешь обширные сеноскося, пастбища с табунными конями, стадами овец. Степь претрет синими и желтыми ирисами, тюльпанами, белыми ветренцами, яркими

Слово к молодежи

ПРОКЛАДЫВАТЬ ПУТИ НОВОМУ

Сказано богаты восточные и северные края нашей Родины. Уголь и железная руда, золото и энергия и строительные материалы земли. Не пушинка — вся полна сибирская земля! Не хватает там толпы людей, которые поставили бы все эти богатства на службу советскому человеку.

Вот потому-то партия и правительство посылают туда вас — сынов и дочерей славного и могучего племени. Вам надлежит открыть новые месторождения Сибири, заняться огни новыи сметные богатства, построить гидроэлектростанции на могучих северных реках. Об этом вы знаете, конечно, многие трудности. Об этом вы хорошо знаете, потому что не готовились развести от знания выполненного долга. В далеким сибирских краях вы знаете, что такое, очень нелегко. Что может быть благодарнее этой задачи!

От всей души желаю вам, мои молодые друзья, всего наилучшего!

Андрей Д. ЩЕРБАКОВ

лионами. В районе города Черногорска пейзаж меняется. Здесь в окружении тучных пшеничных полей высится копра угольных шахт.

В Минусинской степи имеются все условия как для успешного ведения сельского хозяйства, так и для развития промышленности. Уголь, марганец, мрамор, различные соли скрыты в недрах этого района. В северных отрогах Западного Саяна, что вклиниваются в степь, обнаружены колоссальные залежи железных руд.

На склонах горы Абаканская Благодать, которую железорудный бассейн в Минусинской степи призван питать домы Кузбасса.

У подножия Абаканской Благодати стоит маленькое селение — Абаза. Оно не значится сейчас даже на крупномасштабных картах. Но в скором времени ему суждено будет стать видным городом в Минусинской котловине.

Сколько лет найдется новоселу в этом богатом и многообещающем крае! Выбирай любовь!

НОВЫЕ СТАЛЬНЫЕ ПУТИ ВЕДУТ СВВОЗ ТАЙГУ

Сейчас идет строительство железной дороги Станиск — Абаза. Она составит важное звено

Посмотрите на фотографии, помещенные на вкладки. Как красивы берега Енисея, как суроза здесь природа! Ну никак не жемство, настоящие заводы и узоры, чтобы заставить ее слушать человеку. Шугу за шагами люди наступают на леса. Маршируют заводы и города. А для новоселов нужно много леса. Маршируют планы. Д. Красноно и сотни других трудящихся заняти славом плотов в назыв.

огромной Южно-Сибирской магистрали, которая протянется от Волги до Енисея.

Трасса стройки проходит через болотные топи, глубокие лога, горные кряжи, древучие леса. Строителям поднимают в тайге прочные насыпи, укладывают рельсы, возводят станционные постройки, мосты, проводят линии телеграфа и телефона. Гремят раскаты аэровок у подножия одного из отрогов горного хребта Кузнецкого Ала-Тау. Это идет проходка туннеля. Никакие преграды не останавливают строителей.

Скоро новая железнодорожная линия начнет действовать. Она оживит доселе глухой таежный район, свяжет долины Кузбасса с новыми шахтами, рудниками, лесоразработками.

Строится в Красноярском крае и другая железная дорога. Ее ведут от Ачинска, крупной железнодорожной станции Транссибирской магистрали, к селу Абадасово, расположенному на берегу Енисея. Здесь находятся огромные массивы лучшей в мире сибирской, кондовой, сосны. Дальше новая линия переносится на другой берег Енисея и пойдет в Приангарье.

Как вода оживляет пустыню, так и дороги дают жизнь тайге. Раньше в Сибири не было иных путей, кроме водных. Поэтому и осваивали люди лишь места, расположенные вдоль больших рек. Богатейшие залежи полезных ископаемых, громадные массивы леса, лежащие в стороне, оставались нетронутыми. Новые стальные пути пробудят тайгу от векового сна.

БОЛЬШОЙ КРАСНОЯРСК

Более четырех тысяч километров отделяют Красноярск от Москвы. Но сейчас сибирский город стал как бы ближе к столицам. Современная техника значительно «укоротила» расстояния. Всего несколько часов пути на скоростном самолете — и вы в Красноярске. Сравнительно быстро домичит вас из Москвы в Красноярск и железнодорожный экспресс. Можно в этот город приплыть на речном или даже морском пароходе: по Енисею до Красноярска поднимаются морские суда.

В удобном месте расположен Красноярск. И дело не только в том, что богат и сказочно красива окружающая его природа. Город стоит на стыке важнейших дорог, и это сыграло решающую роль в его росте, развитии.

За годы пятилеток город неузнаваемо преобразился. На правом берегу Енисея вырос новый большой промышленный район с заводами, фабриками, благоустроенными домами для рабочих. В шестой пятилетке Красноярск получит еще 800 тысяч квадратных метров жилой площади.

Куда ни пойдешь — всюду в городе стройки. Давно ли здесь был сооружен железнодорожный вокзал?

От Красноярска к поселку Шумиха — месту строительства ГЭС — через высокие сопки, глубокие балки, через тайгу пролиняет автомобильная дорога, пройдет железнодорожный путь. Страна вооружена строителями мощной техникой — экскаваторами, самосвалами, бульдозерами. На участке Лалетин Лог — Ревь Лог хорошо трудятся бульдозеристы Владимир Болотов и Виктор Луценко.

зали. Сегодня он уже маяк для быстрорастущего города — строится новый, более просторный, красивый. Воздвигается огромный мост через Енисей, оборудуется телевизионный центр.

Но главная стройка Красноярска развернулась в сотках километрах от города, на берегах Енисея. Ни днем, ни ночью не затихает шум там, где возводятся гигантская гидроэлектростанция мощностью 3 200 тысяч киловатт. Плотина станции образует водохранилище объемом в 107 миллиардов кубометров.

На энергии, которую даст Красноярская ГЭС, станут работать строящийся поблизости алюминиевый комбинат, один из крупнейших в мире, и металлургический завод-гигант. Рядом с ГЭС сооружаются также лесокombинаты, лесопромшленные центры.

ВНИЗ ПО ЕНИСЕЮ

Отправился в новые места: поплавлен, вниз по Енисею.

Белый теплоход кажется огромным лебедем, опустившимся на

на просторах Красноярского края работает много исследовательских экспедиций. То тут, то там виднеются разведочные буровые вышки.

реку с наведенных высот. Можно часами стоять на палубе, не отрывая глаз от пропывающих мимо берегов. Крутые хри высоко поднимаются над водой, отражаясь в ней вместе с белыми берегами, прилепившимися на карнизах, с могучими соснами и кедрями на вершинах. Местами реку сменяют гранитные скалы, как бы стараясь загородить ее бег. И здесь Енисей гневно вскипает бурной волной. Минувая эти места, река снова выходит на простор.

Левый берег Енисея невысок. На нем — леса, дуга, болота. Иная картина на правом берегу: горы, скалистые утесы, плоскогорья. Плотной стеной встает здесь хвойная тайга. С палубы можно нередко видеть, как из темноты леса к воде выходят испуганные лоси, медведи.

Но и в этих глухих местах видны приметы новов. На завоевание богатств края пришли смелые изыскатели — геологи, гидрологи, топографы. Маршруты многих исследовательских экспедиций пролегли по берегам реки. Здесь вырастают новые поселки, станции, пристани.

Наш теплоход прибыл в заполярный портовый город Игарку.

На одной из улиц Красноярска.

Его называют «городом дерева». И это не случайно. Весь город деревянный: дома, тротуары, мостовые. В порту — огромные штабели лесоматериалов. В гавани — суда, ожидающие погрузки. Они повезут отсюда лес на юг и на север. А ведь немногим больше двадцати пяти лет назад на месте заполярного порта находились лишь стойбища ненцев.

Все ниже по Енисею спускается теплоход. Теперь по обеим сторонам реки простираются ровные дымчато-синие безлесные дали. Это зона тундры. Чувствуется близость Ледяного океана. Но и здесь, на суровом Таймырском полуострове, на краю земли, видишь волнующую новь социалистической стройки.

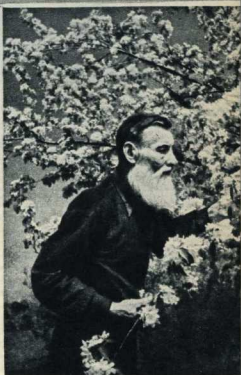
От порта Дудинка по тундре проложена немного севернее 70-й параллели железная дорога. Поезд привезет вас в красивый

город, на улицах которого высится шесть — семизатяжные здания. Это Норильск.

Норильск вырос у богатых залежей руд цветных металлов. На рудах работает несколько заводов — целый горно-металлургический комбинат. Немного было обживать суровую тундру. А вот, видите, какой город построили!

С радостью встречают в Норильске молодых новоселов. Их обеспечивают жильем, работой. Можно здесь учиться в школе, в техникуме и даже в вузе: недавно открыт филиал Московского политехнического института. Есть в городе театр, кино, клубы, библиотеки.

Меняется облик: далекого сибирского края. Картографы не успевают наносить на карту новостройки. Хорошее это дело — создавать на земле новое, творить новую географию!

Много лет занимается садоводством один из старых жителей Красноярска. Георгий Трофимович Иваненко.

7 июня трудящиеся Красноярска тепло встретили первых комсомольцев Москвы, приехавших сюда жить и работать.

Чкаловская область. Митинг в целинном зерносовхозе «Южный». Выступает Первый Секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

Фото В. Клиппингера.

НА ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЕ

На юго-востоке Чкаловской области раскинулись обширные земли Адамовского района. Площадь этого района — 1342 тысячи гектаров, больше иного государства. Но, расположенный в стороне от железных дорог, являл от областного центра, он до последнего времени не пользовался особым вниманием. Посевная площадь Адамовского района еще в 1953 году составляла только 94 тысячи гектаров. Во всем районе насчитывалось около 50 населенных пунктов, включая крохотные аулы и отгонные гурты. В зимнее время, когда степь покрывалась глубоким снегом, между поселками прекращалась всякая связь, а летом на извилистых тропках, затерявшихся в неоглядном ковыльном разнине, лишь изредка можно было встретить всадников на лошадях и верблюдах.

В конце прошлого и в начале нашего века предпринимались попытки освоить плодородные Адамовские степи. Сюда шли земледелцы из густонаселенных центральных губерний России. Но без помощи государства, без сельскохозяйственных машин они не могли поднять и жизни веками не тронутое земло.

Возвну людей обратились к неоглядному просторам Адамовского района в 1954 году, когда страна приступила к освоению целинных и залежных земель. Сюда, в заснеженные степи, двинулись отряды землеустроителей, почвоведов, гидрологов. Они изучали и нарезали для новых хозяйств массивы,

искали водоемы. А в это время на маленьких тихих железнодорожных разъездах собирались силы для наступления на целину.

Многое для пионеров освоения этих земель уже стало историей: неустойчивая жизнь матерью землей 1954 года, нехотят затуманиваться весна, будничные заботы об устройстве на новых местах, радостные дни начала подъема целины...

Прошло с немногим два года... Вот они, далекие и поразительные по тикне в прошлом разведки: Айдырлы, Шильда, Теренсай... Здесь базировались новоселы, здесь стояли вагончики, образовывались временные поселки, в которых прижились молодые патриоты. Сюда пришла техника и вместе с людьми двинулись, огласив необычным грохотом степь, на центральные усадьбы совхозов, которые существовали тогда лишь на картах землеустроителей. Изменились, ожили станции... Стоят теперь вдоль железнодорожного полотна железные только что воздвигнутые крупные зернохранилища, вокруг которых широко раскинулись поселки.

От станции Шильда тянется, расклевываясь, узкоколейная железная дорога. Она связывает районный центр Адамовку с основной магистралью области. И там, где на сотни километров не встречалось даже одинокой хижины чабана, стоят стационарные постройки, лагеря мастовиков и прокладчиков путей. Нет, не пустышня теперь степь!

В Адамовском районе в течение

двух последних лет создано 7 мощных зерновых совхозов, возникли крупные рабочие поселки. В этих поселках есть и столовые, и магазины, и школы, и больницы, и даже стадионы. Всюду в домах горит электрический свет. Самолеты и радио связывают целинников со всей страной. На центральные усадьбы зеленеют обширные парки, подрастают плодовые сады, а ковае-и и виноградины. Каждый из совхозов засеял большие массивы поднятой целины — по 40 и больше тысяч гектаров. А вся полевая площадь района ныне составляет 537 тысяч гектаров.

Хороший урожай созрел на необозримых полях поднятой целины. Более чем по 2 миллиона пудов хлеба собирается дать государству каждый новый совхоз. Замечательный подарок стране, щедрая оплата за труд!

В один из дней, ознаменованных волнующим ожиданием начала уборки, в степи Адамовского района прибыли Первый Секретарь Центрального Комитета КПСС Н. С. Хрущев и Секретарь Центрального Комитета КПСС И. И. Беляев. Бескрайние поля высокой, ровной пшеницы и новые крупные поселки в степи, встретившиеся на пути следования наших, убедительно свидетельствовали о больших успехах, достигнутых новоселами. Разделяя радость целинников в связи с хорошим урожаем, Никита Сергеевич говорил:

— Находились скляпки, но веревки в целину. Но вот прошло два года, и мы видим замечатель-

ные результаты, видим прекрасный хлеб. Нынешний урожай добьет маловеров.

Да, это так. На первых порах даже люди, крепко поверившие в идею освоения новых земель, невольно робели перед грандиозными рамками работ. Казалось невероятным, что будет распахано несколько десятков тысяч гектаров целины, что в течение лета поднимутся поселки. Но энтузиазм целинников, помощь правительства и поддержка страны сделали свое дело.

На центральной усадьбе совхоза имени XIX партийного съезда собрались сотни рабочих и специалистов. Среди них были и новоселы из соседнего Адамовского совхоза. Хозяева целинных земель встретили гостей в обитых, стешских родных местах.

— То, что мы видим теперь, — сказал Никита Сергеевич, — создано вами в течение года. Это же сильнее, чем в сказке... На вашем примере видно, чего может достигнуть человек, когда его энергия направлена на доброе дело.

Никита Сергеевич обратил внимание на то, что в совхозах много детисчек. Это хорошо, когда люди обзаводятся семьями, говорят он, значит, обосновываются они накрепко.

Секретарь Адамовского райкома партии тов. Телюковский рассказал, что в каждом новом совхозе уже построено по 40—50 индивидуальных домиков. Новоселы создают семьи, вызывают родных. Никита Сергеевич особо под-

чернула, что совхозы должны иметь вдоволь молока и мяса, а для этого необходимо создать хорошие молочные фермы и большие стада овец, тем более что все условия для этого есть. Я не сторонник того, чтобы иметь коров в личном пользовании, сказал Никита Сергеевич. Содержание коровы требует много труда и хлопот. Об обеспечении молоком и мясом целниников должны заботиться руководители совхозов и работники общественного питания. В каждом совхозе должна быть хорошая столовая, куда люди охотно бы шли. Это высободит людей от непроизводительного домашнего труда.

— А вот индивидуальными огородами следует обзавестись, чтобы иметь свои овощи,— заметил Никита Сергеевич.

Тов. Хрущев обратил внимание руководителей совхозов на необходимость оказывать помощь в обработке огородов. Можно бы было, говорил он, выделить под огороды землю, вспахать ее трактором и даже посадить картофель и овощи с помощью машин, а затем распределять эти огороды между рабочими.

При встрече с рабочими и специалистами Буруктальского, Адамовского и Озерного совхозов и совхоза имени XIX партийного съезда Никита Сергеевич большое внимание уделял строительству поселков. Построено много, но строительство может идти быстрее, если шире использовать местные материалы. На озерах Адамовского района встречаются огромные заросли камыша. Дома, построенные из камышовых плит, теплые и долговечные. Камыш, вагон и глина должны заменить дерево.

Дорога гостей пролегла по землям Домбаровского и Адамовского районов. От Домбаровки до границы Адамовского района, к совхозам Буруктальскому, имени XIX партсъезда и Адамовскому,— всюду виднелась волнующаяся на ветру, радующая глаз пшеница. Та же пшеница по дорожке «в Озерному совхозу» и дальше. Сколько ума, энергии надо было вложить, чтобы поднять эту веками не тронутую землю и вырастить на ней хлеб! На совещании работников сельского хозяйства Урала секретарь Адамовского райкома КПСС В. А. Телковский заверил:

— Труженики сельского хозяйства Адамовского района внасто утвержденного плана хлебозаготовок 11 200 тысяч пудов сдадут государству 25 миллионов пудов.

Внушительный итог! Силы и средства затрачены не напрасно.

Когда видишь, как на недавно пустовавших землях созревает хлеб, возникает, как мираж в лучах яркого солнца, построенный совхоз или используемый в ночь ярким электрическим огнем поселков, трудно не вспомнить первые дожди в степь, первые палатки, первую бороду на целине...

В. МАЛЫГИН

Борис ШАХОВСКИЙ

ЛИРИКА

Весна

Уже весна сплавляет к морю льды,
Уже костры пылают на раскатах,
И ветлы примерют у воды
Цветной халат каспийского заката.
Огни села над берегом реки...
Бегут баркасы, воду рассекая!
До скорых встреч,
Каспийцы-рыбаки!
С попутным ветром,
Гвардии морская!

В затоне

Когда-то привели сюда
Сверлящую пристань.
Ее буксирные суда
Встречали голосисто.
Она ж, красна и бела,
Их обшла с опаскою
И к месту лавой проплыла,
Гордись своей окраскою.

Она сказала: «По плечу
Мне шхуны с пароходами.
А с вами знаться не хочу,
С мальцами медковидными».

И ей поставили клеймо:
«Не приставать, не чалиться!»
Глядится в речку, как в трюм,
Собою не нахвалится.

Вокруг кипит, гремат деля.
Блестят буксиров стекла...
А пристань рано подняла,
Сморщилась, обохала.

И надоло ей скучать,
Одной грустить, печальиться,
Но не стираться печаль:
«Не приставать, не чалиться!»

Домик бакенщика

Олушка,
Дом,
И вдали тропинка
По горке убегает в лес.
У самой речки кол под кринку
От солнца жаркого залес.

Костер пускает стружку дыма,
Плывет над домом сивая,
И, видно, про запас на зиму
Колодеж сложены дрова.

И кажется: речные знаки
Сошлись на сходку у двора,
И свежыкрашенный бакен
Рубашку сушит у костра.

Фотохуд. П. Шведова.

Александр НИКОЛАЕВ

МОЯ РУКА

Я слышал одного юнца.
Он, не придав словам значения,
Сказал за красного словца:
— Я б руку дал на отсечение...

Послушай, друг!
Когда война
Копчалась в Западной Европе,
Моя рука погребена
Была в засыпанном окопе.

С тех пор прошло немало лет,
Давно зарубцевалась рана,
Но руку,
Ту,
Которой нет,
Я ощущаю непрестанно.

То пробрежит по ней огонь,
То у запястья нерв забьется,
То вдруг зачешется ладонь,
А то в туют кулак сожмется.

Пусть на приветствие в ответ
Могу и левую поднять я,
Сама рука, которой нет,
Рванется для рукопожатия.

Не знаешь ты наверинок,
Что упадет, к примеру, спички,
И сразу дернется рука,
Чтоб подхватить их
По привычке.

А это тоже не секрет,
Не доведись такое строду,—
Я по руке, которой нет,
Могу предсказывать погоду.

Тебе, наверно, не понять
И ощущение такое,
Когда любимую обнять
Подбрасывает вверх рукою.

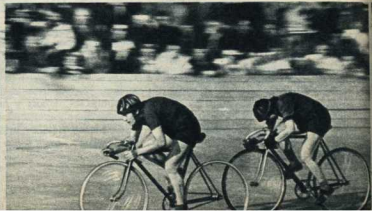
Скажи, ты слышал, наконец,
Как малыши хохочут звонко,
Когда смеющийся отец
Подбрасывает вверх ребенка?

Ты не жалея меня,
Твой взгляд
Сказал, что ты ошибся малость.
Не забывай, что я солдат.
Солдата унижает жалость.

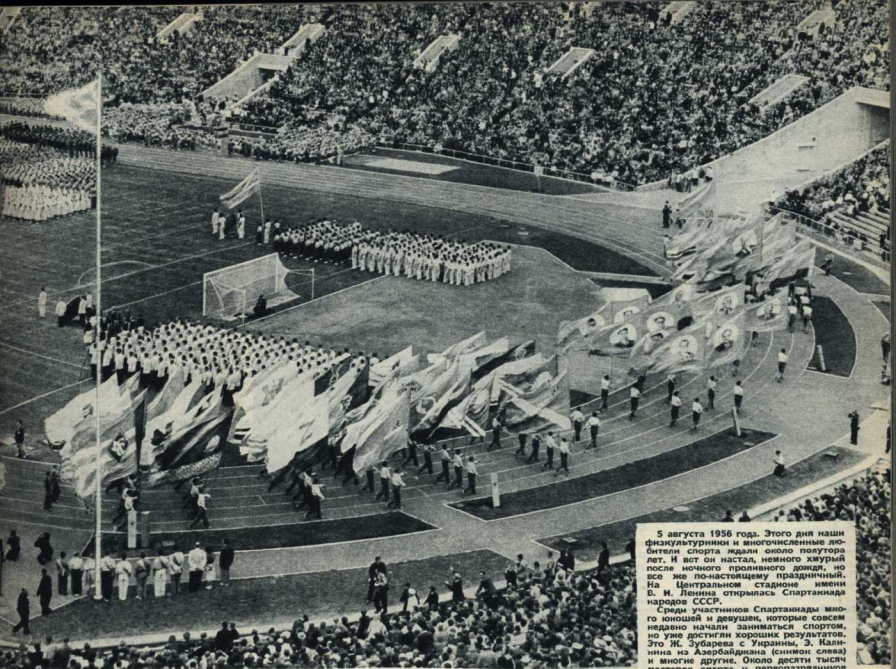
Скажу тебе без громких слов,
Спроси соседа по квартире,
Как я и левый
Сто очков
Из ста возможных выбил
в тире.

И я смотрю спокойно вдали,
Постигнув гордых слов
значение:
Смотря за что,
А то не жаль
И две руки на отсечение!

ПРАЗДНИК
СИЛЬНЫХ,
СМЕЛЫХ

5 августа 1956 года. Этого дня наши физкультурники и виногонильные любители спорта выжили около полутора лет. И вот он настал, немного хмурый после ночного проливного дождя, но уже достигли хороших результатов. На Центральном стадионе имени В. И. Ленина открылась Spartakiade народов СССР.

Среди участников Spartakiade много юношей и девушек, которые совсем недавно начали заниматься спортом, но уже достигли хороших результатов. Это Ж. Зубарева с Украины, Э. Калинина из Азербайджана (справа слева) и многие другие. Около десяти тысяч мастеров спорта и перворазрядников выступили в борьбе. Она была упорной. Посмотрите, на какой бешеной скорости мечется велосипедистка Валентина Максимович и Нина Котлева. На сотую долю секунды разные соперники злила барьер всадник Алексей Шторк, выигравший полуфинальный заезд. А вот еще один снимок. На нем запечатлен момент встречи узбекских и астонских велосипедистов. Раньше о такой игре, как водное поло, в Узбекистане не имели понятия. Теперь же команда республики мало в чем уступает своим соперникам. В Средней Азии есть и отличные гимнасты. Совсем недавно миттель горного аула Хамдан Руфов не знал, что такое гимнастика. Теперь юноша четко выполняет на кольцах «уголки» — упражнение высшего класса трудности. Ничего удивительного здесь нет: Хамдан — мастер спорта СССР. У Игоря Искова, фехтовальщика из команды Казахской ССР, такого звания еще нет. Но, глядя на его темпераментный бой с литовцем Виталисом Калмантасом, нельзя не восхищаться его мастерством. На другом снимке вы видите, как украинец Владимир Ситюкин продолжает двухметровую высоту. Год назад это был бы рекорд СССР, а сейчас такой результат принес спортсмену всего лишь третье место. Spartakiade народов СССР еще высе подняла мастерство наших спортсменов.

Многие жители Гавра охотно прихода «Победы» у причалов морского порта.

Фото Е. Волкова.

Нигде так близко не сходятся люди, как во время путешествия, тем более такого необычного, которое предприняли летом этого года четверть тридцать советских туристов.

Та атмосфера дружба, которая установилась среди нас, советских туристов, и сопутствовала всему нашему путешествию, несколько покоряла жителей и далекого греческого порта Пирея, и Парика, и вечнозеленого города Рима, и других больших и маленьких городов, где нам пришлось побывать.

ПЕСНИ РАДОСТИ

В путешествия мы научились особенно ценить время — его нам всегда не хватало. В этом мы убедились, прибыв в первый порт Народной Республики Болгарии, где нам предстояло провести всего шесть часов.

Когда каждый из нас сейчас вспоминает о пребывании в болгарском городе Сталин, то прежде всего встают в памяти песни, которыми нас встречали и проводили юноши и девушки.

«Кто-то из болгар записал на русском языке «Широка страна моя родная». Песню подхватили десятки, потом сотни голосов, и вот стройная, величавая мелодия разнеслась над ночными городом. Это был хор друзей, который шел о радости и о счастье. Всем запомнились милый голос болгарской студентки Златы Петровой и задумчивые ее песни. Хотя в порту было много людей и на всех пяти палубах теплохода толпились туристы, кругом воцарилась тишина. Слышались лишь девичьи голоса, плеск волн и тонкие звуки гудков сияющих маневровых паровозов.

Трудно сказать, сколько звучали бы в порту песни, если бы не столь короткий срок нашего пребывания. Гостеприимные жители города хотели нам показать все. Они повели нас в центр. Там на одной из

площадей мы остановились перед скромным памятником.

— Этот памятник поставлен в честь болгарских и русских солдат, которые, как единокровные братья, отстояли независимость Болгарии,— поясняет болгарский студент, бывший партизан Иван Христов.

Мы идем ушами города. Поздняя заря. А из открытых окон колоды, где собралась рабочая молодежь, летит крылатая песня. Так и остался в нашей памяти этот помпозный город...

Быстро пролетело время. Мы снова на борту теплохода. Но нам не хочется прощаться. До скорой встречи, дорогие друзья, до новых радостных встреч!

ДРУЗЬЯ, ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ ЧАЩЕ!

Кто не читал о Греции? Мы помним школьные учебники, рассказы учителей о древней Элладке, о ее музественном народе, об одной из самых древних культур мира.

И вот мы в Греции. Нам очень хочется осмотреть памятники древнего зодчества, самые старшие камни Европы, которые походили время, но не поиздавая зарывары. Мы хотим познакомиться с народом, который бережно хранит эти памятники.

Автобусы идут к Афинам по приямку, обсаженному деревьями асфальтовой дороге.

Наш путь лежит к Национальному музею. Он называется национальным не только потому, что в нем собраны образцы древнего национального искусства, но и потому, что а его создании участвовал простой народ Греции. Бедные рыбаки подняли с морского дна и бесцельно передвигали музеем тридцать уникальных, бесценных скульптур.

Можно было бы без конца рассказывать о старинном мраморном Акрополе и многих, многих других архитектурных памятниках. Они

оставляют незабываемое впечатление. Их мало осматривать — их надо изучать. Простые рабочие, которые трудятся сейчас над восстановлением античных зданий, подарил нам по кусочку мрамора. Это был не просто подарок, не сувенир, а символ тысячелетней культуры народа, символ солидарности и труда.

Народ, который гордится своим прошлым, бережно хранит памятник старины, много думает и о будущем родины.

У священного для греков места — Могилы неизвестного солдата — дети и старики кормят голубей. Вот перед нами старший учитель. В последней войне он потерял двух сыновей. Где они похоронены, отцу неизвестно, но каждый день приходит к Могиле неизвестного солдата этот высокий, суровый человек. «Большое горе переносится молча», — гласит пословица. Молча кормит старик голубей, один на один со своим большим горем...

Вечером на площадях города устанавливаются столы. Сюда приходят жители и, медленно по-

тятиная дешевое вино, часами ведут неторопливую беседу. Избурь размеренный ритм вечернего времяпрепровождения резко изменяется: зазвучала музыка, звонкие голоса, послышались аплодисменты. Это греческие юноши и девушки выступили на площадях с песнями и танцами, собирая средства для поездки на предстоящий фестиваль в Москву.

Мы идем по группам Афины, сопровождаемые утинной молодежью. Один из юношей на ломаном русском языке приглашает нас прийти к нему домой, пообщаться. Но времени у нас в обрез, и мы, от души поблагодарив малера Георгиоса Гузданасоса за приглашение, спешим к автобусу.

— Приезжайте к нам чаще, друзья! — кричит Георгиос.

ЮНОШИ

С ПЛОЩАДИ ИСПАНИИ

Осмотрев Неаполь и раскопки древней Помпеи, мы выехали в Сорренто. Дорога туда проходила по живописным над морем скалам.

По крутым склонам гор зеленой лестницей тянутся виноградники. Многие поколения соррентийцев вырубали каменную толщину гор и руками приносили сюда плодородную землю, метр за метром отвоюяли у природы участки для виноградных плантаций.

На дороге, как нам сказали, бодедесят тысяч поворотов. Но каждому, кто едет по ней, кажется, что поворотов значительно больше. Иногда дорога так узка, что двум автобусам не разъехаться.

Итальянцы говорят, что Италия — это сад Европы, а Сорренто — сад Италии. Сорренто действительно утопает в зелени. На его улинах высажены аллеи апельсиновых деревьев. Глядя на город, нельзя вспомнить провозные слова писателя Горького к сыну: «Ты уехал, а цветы, посаженные тобой, остались и растут. Вот если бы ты всегда и везде всю свою жизнь оставил для людей только хорошее — цветы, мысли, сильные воспоминания о тебе, — легла и принята была бы твоя жизнь».

На центральной улице Сорренто мы встретили группу юношей и девушек. Лица некоторых из них нам были уже знакомы: мы их видели при встрече в Неаполе. Видно, они держат связь с индустриальным Сорренто, привели нас тут руками, радостно улыбаясь. Один из юношей представляется:

— Лонгобарди Джованни, скре-

Часами можно ходить по афинскому Акрополю, не в силах отвести глаз от величественных развалин.

тарь городского комитета комсомола.

Он спрашивает нас:

— Что бы вы хотели посмотреть в Сорренто?

Конечно, нас интересует много. Но прежде всего мы хотели бы побывать там, где жила и работала великая Горький.

Оказалось, что домик Горького находится очень далеко, и, к нашему сожалению, нам не пришлось побывать в нем. И только через день, когда мы были в Капри, смогли посмотреть места, связанные с именем писателя.

Обоим на автобусе кожное побережье Италии, выходящее в Неаполь. А на следующий день уже направлялись в Рим.

Наш поезд мчит со скоростью более ста километров в час. В широкие окое мелькают горы, рощи, домики итальянских крестьян, их поля, вид которых непривычен для нас: узкие полоски кукурузы, крохотные виноградники и совсем маленькие участки земли, засеянные пшеницей.

Поезд прибыл в Рим. Мы проходим по его шумным улицам, замечательным площадям, мимо неповторимых архитектурных памятников по мостам, переулкам через Тибр. Посетили Пантеон, молча стоящий у могилы великого Рафаэля.

Свет, струящийся через отверстие в куполе надгробного здания, падает на пурпурно-красные розы, которыми усыпана могила. Просте люди Италии свято чтут память своего великого соотечественника.

Нас вывела и девушка осторожно пожелала на молоту розы и, почти минуто, отошли. Мы вновь встретили их, выйдя на площадь. Приосновившись к массивной колонне, они что-то рисовали в своих альбомках. Это художники Джованни и Буач — студенты художественной академии.

Часом позже мы смотрели творения другого великого итальянского художника — Микеланджело. Слестившиеся последние в. В такане хорошо сохранился расписанный им потолок. Четыре года, лежа на спине, терпя зрелище, работая великий мастер, создавая свои гениальные произведения.

По залам музея ходят равнодушные, одетые в черные сутаны монахи. Они оживляются только при виде туристов. Одни из монахов, высокий, дородный, предлагает нам искупки с изображением папы, а пошлая монашка столь же усердно продает открытки и крестки.

Уплывят очередные часы монаху за сохранение фотоаппарата, мы выходим из здания и направляемся к собору святого Петра.

Наш автобус остановился на Пиацца Испани. Эта остановка и была предпоследней, но всем хотелось побывать в площади, которая нам хорошо известна по итальянским кинофильмам.

Стройный юноша в потертом сером костюме на лыжном русском языке предлагает нам группу итальянских комсомольцев. Костеломала Дистоба и его друзья решили сопроводить советских туристов в их поездке по стране.

— Мы хотели бы хоть чем-то помочь вам, чтобы ваше путешествие по Италии было приятным, — говорят они.

Мы обменялись сувенирами, открытками. Итальянские юноши

Собор святого Петра в Риме. Белая линия — это граница между Лацио областью и Итальянской республикой.

Площадь Согласия в Париже.

и девушки на Пиацца Испани с удивлением рассматривали открытки с видами Красной площади, Московского университета на Ленинских горах, улиц Горького. Открыток не хватало, чтобы подарить всем, кто горничо желал получить их на память.

МОСТ ДРУЗЬИ

Так называют французы свой порт Гапр. Трудно забыть возлюбленную нас сердечную встречу во Франции. От порта мы идем к вокзальной площади. Докеры, горловые рабочие, жители города жилистой стеной стоят по обе стороны улиц. Слышится крик журавля, выходящего. Протягиваются руки для пожатия.

На перроне мэр города, депутат Национального собрания, бывший докер Жан Касс, провожая нас, говорит:

— Мы гордимся, что Гапр был первым городом на французской земле, принимающим сегодня дорогих советских гостей. Пуст будет великий дружба между нашими народами!

Поезд мчит нас в Париж. И здесь нас ждет горячая встреча. Уловкой которой мы приобретаем с собой толпу. Тут же французские журналисты пригласили нас на вечер в кабаре «Красная роза».

К нам подбегает улыбающийся корреспондент, обещанный фотоаппаратом.

— Вы можете провести в Париже шесть дней! — восклицает он.

Мы несколько смущены: ведь было намечено быть здесь всего три дня.

— Три дня и три ночи! — добавляет под общий смех фотокорреспондент.

...А потом мы едем по ночному Парижу. С высокого Монмартра перед нами открывается вид пре-

красного города, сверкающего разноцветными огнями реклам. Уже час ночи. Но город не спит. Парижане любят гулять ночью по освещенным улицам. Не все из них просто гуляют. На Монмартре встречается много безработных художников. Раскинув холсты, они готовы в любой момент нарисовать ваш портрет.

Еланейские поля... Широкая, ярко освещенная улица, оживленная густыми кронами деревьев, заполнена комфортабельными автомобилями последних марок. Некоторые из них выезжают прямо на тротуар и останавливаются у распашканных дверей кабаре «Лидо», самого дешевого в Париже. Из них выхаживают женщины в вечерних туалетах, тяжело вываливаются толстяки в смокингах и фраках. Здесь развлекаются до утра богатые американские и английские туристы, французская аристократия, здесь в одну ночь тратятся громадные деньги. А рядом на решетках метро и бульварных скамейках спят бездомные.

На заре мы пришли к Севастопольскому бульвару, очень оживленному, кипящему народом. С шумом вырвались из толпы, на которых вырвались прямо на мостовую ошши. Словами маленькие моторизованные тележки с фруктами. Это готовятся к открытию ночной зеленой базар. Он занимает несколько кварталов, сплошь установленных шивелей, лотков, столами и тележками. Торговля начинается в три часа ночи и заканчивается в шесть часов утра.

Утром мы начали знакомиться с дневным Парижем. Наши автобусы, украшенные национальными флагами Франции и СССР, останавливаются у Триумфальной арки. Дует свежий утренний ветерок. Он

колмшет неугасающие пламя газового факела над Могилкой неизвестного солдата. Мы приехали сюда очень рано, но уже чья-то заботливая рука успела положить букеты фиалок.

Замок берегами Сены. К приходу ушло приключился безлюдным днем плывуче ночные кабары.

Кипучей трудовой жизнью кипит рабоче кварталы Парижа. Мы побывали на заводе «Рено», одном из крупнейших предприятий Франции. Каждые полторы минуты с его конвейера сходит новый автомобиль. Здесь работает 36 тысяч рабочих. У ворот завода нас встречает экскурсовод ведет по асфальтированной широкой дороге к цехам. Иногда мы останавливаемся, пропуская несущиеся автомашины с деталями. В цехе штамповки почти бесшумно работают мощные гидравлические прессы. Здесь завалась непринужденная беседа с рабочими. Нам расширяют о Москве, о советских автомобильных заводах. Мы, в свою очередь, интересуемся жизнью, условиями труда французского рабочего. Средний заработок рабочих этого завода составляет 35—40 тысяч франков. Один четверть его идет квартальную пенсию. Однако этот большой первоклассный завод не строит квартал для рабочих и они вынуждены снимать их.

Много интересного мы увидели в Париже: Лувр с его богатейшей коллекцией бесценных картин и скульптур, бывшую резиденцию французских королей — Версальский дворец, могилу Наполеона, Гранд-опера и знаменитый Нотр-Дам де Пари — Собор Парижской богородицы. И хотя мы стремились воспользоваться советом французского журналиста, — три дня и три ночи посвятить знакомству с Парижем, все же не смогли увидеть всего того, что нам советовали.

Последний день в столице Франции. Толпы парижан заполнили широкий перрон вокзала. Через несколько минут поезд должен отойти в Гапр. Последние рукопожатия, слова наилучствия и пожелания... Хочется продлить путешествие. Поезд тронется, в след за ним шаюхнулись толпа, побежали юноши и девушки, размахивая платками.

— Вот здесь! Счастливого пути, дорогие друзья! — доносилось до нас через открытые окна вагонов.

Ночью наш поезд отвалил от берега гостеприимной земли Франции. Было невозможно грустно прощаться с новыми друзьями. Но мы знали, что скоро отсюда, из Гапра, от этого места дружбы, отойдет самолет, который доставит большую группу французских туристов к берегам нашей Родины.

***

Наш белоснежный тепловоз продолжает путь. Много дружеских встреч ожидало нас в Голландии — стране риса и тюльпанов, отдаленных в Швеции, в городском парке Стокгольма, мы тащивали вместе с юношами и девушками местные национальные танцы. Запомнил их только один из молодых шведского рабочего: «Мы очень рады прияду наших добрых соседей».

Сотни и тысячи дружеских рук мы покажи и нашли путь. Будет ли сновать что во всех странах нашего народа есть много честных и искренних друзей!

И. КАЗАНСКИЙ

ЛИТУРГ «ЗЕМЛИ ТАЙН»

Фото автора.

сплозают к океану, стирая и перепахивая все на своем пути. И, только достигнув берега, льды рушатся, трещат, дробятся и с рывком валятся в студеною воду. Они перестают быть ледниками и становятся плывучими горами — айсбергами. По воле ветров и течений белые гиганты исчезают в туманной дали «скоростями ревущих широт. Но есть место, где средки, масса взломанных ледников, на берегу океана одиноко стоят гранитные, словно проживавшие от времени, скалы. Они принимают каменной грудью напор миллионтоновых масс льда, всю его тяжесть и, выдержав удары, отводят ледники в стороны, заставляют их идти другой дорогой.

В этом одинобстве гранитной тверды с дикими льдами Антарктиды есть нечто символическое. Вот так же отважные сыны Страны Советов — моряки и строители, ученые и связисты — приняли грудью удары бурь и турбу, бед и несчастья в краю «белой смерти». Они выдержали, выстояли, победили, и слава о подвиге комсомольцев, о молодежи Антарктической экспедиции вырвана теперь в кратком названии солики — Комсомольска.

...Корабли стояли в припайном плоском морском льду, словно прилипли к берегу. Берег представлял отвесную ледяную стену — ледяной барьер. Нужно было проложить от борта корабли тракторные дороги, прорубить в ледяном барьере траншеи и навести бревенчатые мосты через трещины, чтобы по ним перевозить машины, горючее, разборные дома на строительную площадку Мирного.

Коммунисты показали пример комсомольцам, и бесстрашные парни начали взрывать ледяной барьер, строить мосты, выгружать на лед тракторы. И вот взрывают стальные машины. Водители комсомольцы Иван Хмара, Василий Шур, Николай Коноплев, Лев Крылов, Николай Кударшев и их товарищи повели тракторные поезда к безмятежной сопке. Мирное движение машин продолжалось недолго — налетела самирлая буря, раскормила около кораблей льды, сорвала и сбросила в океан бревенчатые мосты. Исчезла с нечеловеческим трудом построенная дорога. И тогда стих ураган, пришлось все начинать сначала.

Коммунисты Владимир Сомов, Алексей Тихомиров, Константин Жидков, Михаил Зимин повели комсомольцев на новый штурм Антарктиды. Опять взрывали ледяной барьер, опять настали через трещины бревна, прокладывая тракторную трассу. Грубили ледники, неустой палачае солнце обжигало лица, слепило глаза. Люди ходили с расплывшимися губами, воспаленными веками, потрясанными щеками.

Но вот налетела буря. Опять исчезла дорога. И снова ее построили сильные молодые руки.

Океанская зыбь, жгучее солнце и бурь разрушили припайный лед, брызнула крошечная обстановка для разгрузки кораблей удуша-

лась и наконец стала на редкость трудной и опасной. Но комсомольцы не дрогнули: они выхледили снова и снова на лед. Опять слышались взрывы. Кири и ломы били лед, топоры обтесывали бревна. На арвальной работе заняты были все комсомольцы — и студент МГУ Сергей Ушаков, и монтажник Павел Шнин, и матрос Иван Тучков, и строитель Иван Безрученко, и плотник Николай и бурлищик Владимир Смирнов, и мастер Александр Михайлов, и слесарь на все руки Иван Царев.

Антарктида словно испытывала силу, волю и решимость советских людей. Их беспощадно лаяло солнце, со всех сторон грозно надвигались до айсбергов, то обламы с ледяного берега. В упорной и жестокой борьбе со стихией погиб комсомолец-тракторист Иван Федорович Хмара. Погиб, как герой, на боевом посту, во имя науки, во имя торжества человека над злыми силами природы. Лед проломился под его трактором, и могилу храброго, мужественного юноши стала морская бездна.

В скорбном молчании собрались участники Антарктической экспедиции на траурный митинг. Светлой памятью друга-героя он поклялся с честью выполнить свой долг перед Родиной, перед Коммунистической партией. Угес, около которого проходил митинг, был назван в тот день угесом Ивана Хмары.

Гибель отважного тракториста не поколебала комсомольцев экспедиции. С новой силой принялись они штурмовать Антарктиду.

Однатиди Льва Крылова, водителя вездехода, застала в пути буря. Померкло небо. Подул жестокий ветер. Исчезла дорога, проложенная по льду. Крылов включил фары. Тускло светились стиги в спящем снегу. Под машины дрогнула и камулась льди-

Геодезисты за работой.

на, ветер взломал припай, и огромный кусок белого поля стал расплываться по трещинам. Крылов вез с берега на «Лену» бригаду строителей и понимал, какой опасности подвергаются его товарищи, машина, да и он сам. Зарядило шальная мысль — бросить вездеход и бежать с бригадой с обломившейся льдины. Но куда бежать? Вокруг тьма, буря... Крылов дал полный газ и вывел вездеход к трещине, смело перемахнул через нее. Едва подал он машину к кораблю и ее подняли ледобой на палубу, как все масса льда ожила, глухо застонала и, гонимая бурей, тронулась прочь от «Лены». Через несколько минут на том месте, где только что прошел вездеход, чернели волны с белыми гребнями пены.

Буря вконец разрушила припайный лед, а дизель-электрод «Лена» все еще не был разружен в его трюмах оставались тысячи тонн строительных материалов, горючее, детали электрической станции. Не разгрузить «Лену» — значит сорвать строительство поселка. И вот коммунисты на открытом партийном собрании постановили вести «Лену» к ледяному барьеру и разгрузить ее там, «как в порту у стенки». Все понимали, что такой маневр очень опасен, что барьер может обломиться и раздавить корабль. Но коммунисты презвалили на просто к риску, а к обдуманному, тщательно проверенному и подготовленному наступлению, к победе.

Знаменитый советский ледовый кавальер А. Ватров вместе с начальником экспедиции Героем Советского Союза М. Сомовым, учеными Н. Кучеревым, В. Закопайло, А. Гусевым, П. Шумским обследовал барьер, пролетел над ним на вертолете, изучил расположение подводных камней и решился вести «Лену» к стене изо льда.

Прежде всего нужно было пригрозить на берегу «мертвые» взоры для швартовки судна. Эту опасную и ответственную работу поручили молодым морякам — инженеру-судоводителю Владимиру Ходыреву и матросу-комсомольцу Ивану Тучкову. Так часов про-

Земля Сталинграда соединена с землей Антарктиды. Начальник обгоревшей базы Мирного К. Трину Ушаков ведет стальной трос по льду в мерзлую землю Комсомольской сопки.

Молодые строители Мирного — комсомольцы (сверху вниз) Иван Безрученко, Александр Михайлов, Николай Буран, Иван Царев.

На карте прибрежной части Антарктиды появилось новое название — Комсомольская сопка. Так участники Антарктической экспедиции назвали высоту, расположенную среди ледников, вблизи советского городка науки — Мирного.

...Бело-голубые, синие, даже фиолетовые громады ледников, родившихся в таинственной глубине шестого континента, тяжело

бывались они в жестокою пургу на катере к берегу, хотя до него было всего лишь полторы мили. Буря швыряла суденышко, тылась утопить его или разбить о подводные скалы. Но вот показлся обледенелый берег. С кощачьей ловкостью перебрались моряны на камни, поднялись по веревочной лестнице на ледник и пошли к трактористам. Вместе с бригадой строителей Ходырева и Тучков привезли к участку ледяного барьера бревна, стальной швеллер и тросы. Во тьме, в пургу нужно было вырубить в леднике глубокие траншеи и заложить в них скрепленные прочно скрученными тросом бревна. Они-то, эти бревенчатые крестовины, и должны были стать «мертвыми якорями» для швартовки океанских кораблей.

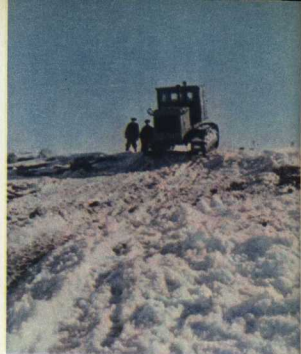
Снег засыпал траншею, и ее пришлось закрывать то брезантом, то фанерой. Вдруг послышался грохот, и у самых ног смельчаков внезапно обрушилась часть барьера. Перевернувшись, глыба весом в тысячи тонн бухнула в океан и вскоре исчезла во мгле.

Пришлось вновь прорубать траншеи для «мертвых якорей». А тут еще выяснилось, что после обвала на барьере образовался огромный козырек из льда, — если не уничтожить его, корабль не сможет подойти к необычному пирсу. Тогда профессор, заслуженный мастер спорта СССР А. Гусев вместе с молодым ученым А. Капицей, студентом МГУ Сергеем Ушаковым и своими помощниками-экскурсионщиками провели головокружительную операцию: отважные люди по веревке спустились на «козырек», прорубили в нем шурфы и взорвали ледяную массу.

«Лена» подошла к барьеру. Сто девять часов продолжалась разгрузка океанского судна. Нависшие ледяные глыбы грозились обвалиться на корабль. Весь барьер был испещрен глубокими трещинами, и тракторы не могли подойти к обрыву, поэтому приходилось тракторные сани спускать к краю ледника на длинном тросе. Корабельные лебедки извлекали из трюмов дизель-электроходы груз, подвалили его вверх — на ледяной барьер и дальше на сани. Тракторы тащили сани в гору через бесконечные трещины; недалеко от судна их перцепляли с тросов на тракторные крюки. Эту операцию выполняли самые ловкие помощники трактористов. Пурга, мороз, ночная тьма и усталость не раз давали о себе знать, и бывало, во время перцепки сани срывались, набирая скорость, мчались под уклон. Грузные ленточные конвейеры, они однажды сорвались с кретины на палубу дизель-электрохода. Каким-то чудом уцелели люди, работавшие в трюме. Другие сани свалились в пропасть между ледяным барьером и бортом корабля. Наконец сорвались и пошли к «Лене» сани с авиационным бензином. Тревожно загудела сирена. Комсомолец-тракторист Николай Кошмякин заметил беду. Недолго думая, он развернул свой трактор «С-80» и повел его наперерез саням. Вот они ближе, уже

На антарктическом аэродроме, Улицы имени В. И. Ленина в Мирном. В гости к животным пришли пингвины.

Первые дни в Мирном.

ШКОЛЫ ИНТЕРНАТЫ ВСТУПАЮТ В СТРОЙ

И. А. КАИРОВ

Приобщение Академии педагогических наук РСФСР

совсем рядом,—раздвинулся удар, сами врезались в трактор и остановились. Комсомольцы Николаевы и Комжартилы радиостанция смертельную опасность для экспедиции.

Стоимость, мужество и отвагу проявлял комсомольцы всюду — на разгрузке кораблей, на строительстве Мирного. Бригада Николаев Лешенкина начала возводить первое здание на скале Радио — передающую радиостанцию. Через несколько дней на противоположной горке вблизи Комсомольской — принялась за работу бригада Станислава Араменко. Соревнуясь друг с другом, строители с поразительной быстротой возводили здания, выходящие в и под водными. Они на гранитных высотах, за ними выросли жилые дома, лаборатории. И тогда над Комсомольской сопкой звякнул Государственный флаг Страны Советов. В торжественной обстановке его поднял начальник экспедиции Герой Советского Союза М. М. Соков.

Красный флаг над Мирным — значило окончание разгрузки судов, завершение главных строительных работ в поселке. От сопки Комсомольской к скале Радио протянулись улица имени Владимира Ильича Ленина. В начале ее видна мощная дизель-электрическая станция, жилые дома, ремонтные мастерские и склады. А дальше, когда идешь по улице Ленина, видишь широко открывающийся горный склон с морскими, домиками ученых и детворы, с каюткомпаниями, радиостанциями и раскинувшимся на лодочке аэродромом. И все эти здания на аэродроме и в поселке Мирном, домикам ученых и детворы, с каюткомпаниями, радиостанциями и раскинувшимся на лодочке аэродромом. И все эти здания на аэродроме и в поселке Мирном, домикам ученых и детворы, с каюткомпаниями, радиостанциями и раскинувшимся на лодочке аэродромом.

И когда в Мирном все было сделано и пришел день расставания строителей и моряков с зимовщиками — с теми, кто мужественно работает сейчас на берегу шестого континента — все решительно как-то ознаменовало самостоятельный труд комсомольцев и молодежи экспедиции. Но как? Решено было самой большой автосагой, господствующей над Мирным, присвоить имя Комсомольской.

Мирный — уже не мечта и не мечтательный план: он занесен на карты, он осязателен, он доступен. В антарктическом поселке, созданном молодыми строителями, перенесли первую суровую зиму деятели дав советских зимовщиков. Во так поварихи, инженеры и трещали жестокие морозы, они много и хорошо работали.

Сейчас готовится вторая Антарктическая экспедиция. В ее состав вступает в Мирный смену зимовщиков и привезут все необходимое для успешного проведения Международного геофизического года. Среди участников второй экспедиции тоже будет много молодых ученых, монтажников, строителей, водителей тракторов и вездеходов, авиаторов. Они с честью выполнят свой долг перед Родиной, унаследуют и разовьют замечательные традиции, созданные комсомольцами — молодыми моряками, строителями, учеными, связистами и авиаторами — в далеком и суровом Крае!

Первого сентября во многих городах нашей страны открываются школы-интернаты. Созданные по решению XX съезда КПСС, эти учебные заведения являются новым свидетельством отеческой заботы партии о подрастающем поколении. Школы-интернаты, несомненно, будут способствовать улучшению воспитания молодых строителей коммунистического общества — людей большой души и возвышенных идеалов.

Что же представляет собой школа-интернат? Это — среднее учебное заведение нового типа. Но не следует думать, что в школы-интернаты будет какая-то особая программа. Воспитанники за десять лет учебы пройдут ту же курс дисциплин, что и в обычной школе. Ни о каких «сверхзадачах» не может быть и речи.

Приступая к созданию новых учебных заведений, мы опираемся в этой работе на имеющиеся у нас ценный опыт прошлого. Прекрасно зарекомендовали себя организационные в свое время трудовые колонии. Чуткий педагог, замечательный человек А. С. Макаренко вложил в них много творческого труда. Колонии явились действенным средством борьбы с беспризорностью, воспитали сотни преданных нашей партии граждан. «Юном в коммунизме» называл Горький известную колонию имени Ф. Дзержинского.

Весьма полезным также является опыт работы в детских домах, лесных школ, детских интернатов при школах.

Известно письмо А. С. Макаренко, направленное им в 1936 году совету жен писателей. В нем он предлагал организовать под Москвой лесную школу или трудовую колонию. «В этом учреждении», — писал А. С. Макаренко, — должна быть полная, хорошо оборудованная дача для родителей и родителей для мальчиков и девочек, с небольшими мастерскими производственного типа, выпускающими товарную продукцию (это — обязательно). Рабочий день на производстве — не более 4 часов, остальное оплачивается, как и труд всякого производственного рабочего. Особенно меня интересует такое устройство этого учреждения, при котором было бы никакого разрыва между семьей и школой. Питание, одежда, культурные услуги и все прочее должны предоставляться в течение учебного года. В семье может ие-что добавлять только с разрешения школы. Я при этом думаю, что полное обеспечение детей не должно иметь характера казенного, бы не было бездельем, или тем более, лишнего удовлетворения потребности, или преждевременного их удовлетворения. Наряду с вопросами образования должны быть хорошо разрешены все вопросы воспитания характера, эстетического воспитания. Ведь всем известно, что в этих как раз областях в нашей семье, даже культу-

турной, не всегда удается дать детям, как и нужно.

С 1 июля нынешнего года начался прием заявлений от родителей, желающих направить своих детей в интернаты. В первую очередь предоставляются места там, что осталось без родителей, а также детям матерей-одиночек и ребятам из многодетных семей. В текущем году это будут главным образом учащиеся пятого, второго, третьего, четвертого и пятого классов. Расходи на содержание воспитанников берет в основном на себя государство. Плата за обучение будет устанавливаться в зависимости от суммы заработка членов семьи.

Какой должна быть школа-интернат? Как наиболее правильно организовать деятельность новых учебных заведений? Что нужно для этого сделать? Эти вопросы — одинаковы коллегам и педагогам, и родителям, и ученикам. Об этом красноречиво свидетельствуют письма, которые получают от трудящихся органы народного образования.

Наш интернат станет кузницей здорового, жизнеспособного поколения. Для доверчивых и теперешних буржуазных закрытых учебных заведений характерно, что они являются в узкие классовые или классовые рамки. Этого, разумеется, не будет в нашем интернате, который вится школой подлинно коммунистического воспитания молодых советских граждан.

Сейчас по всей стране заканчивается подготовка к открытию новых учебных заведений. Не дожидаясь строительства типовых зданий, многие городские и областные организации народного образования решили создать интернаты на базе имеющихся общеобразовательных школ. В Москве в этом году откроется 14 школ-интернатов, а всего в Советском Союзе их будет более двухсот. В Узбекистане, например, девятнадцать колхозов решили строить школу-интернат совместно со своей семьей.

Для интернатов подобраны светлые, просторные помещения. Проведена значительная работа по их переоборудованию. Вот как выглядят один из комсомольских интернатов. На первом этаже здания разместились столовая, гардероб, кухня, слесарно-механическая и столярная мастерские, а также специальная приемная для родителей. Второй этаж заняли учебные классы, лаборатории и кабинеты. На третьем и четвертом этажах — спальни воспитанников, комнаты для игр и отдыха. Здесь же расположены читальня, библиотека, читальня, клуб и кружковые комитеты. На территории интерната имеется обширный приусадебный участок с плодово-ягодными насаждениями, цветниками. Ухаживать за ними будут сами учащиеся.

Школы-интернаты дадут своим

воспитанникам всестороннее образование. Здесь ребята смогут заниматься конструированием, моделированием, музыкой, живописью, пением. Юноши и девушки ознакомятся с основами производственных профессий, приобретут навыки по порывавшимся им специальностям. Много внимания будет уделяться правильно физическому и эстетическому развитию детей, включая, например, занятия по пастике или ритмике. Это не означает, что интернат ставит целью подготовку артистов или художников. Но несомненно, что он будет всячески способствовать выявлению талантливых певцов, музыкантов, танцовщиков, спортсменов.

Учащиеся в интернате обеспечены питанием, одеждой, обувью, учебниками, школьными принадлежностями. В Общесоюзном доме моделей иголок, костюмов, просмотр одежды, предначинанной для воспитанников. Кроме привычной школьной формы, там можно было увидеть много нового. Была показана зинзя пионерская форма для девочек, которая состоит из юбки и жакета из светлого шерсти и лиловой белой кофточки. Летняя пионерская форма сделана из льняного полотна, для девочек — удобные платья спортивного покроя, для мальчиков — короткие брюки и рубашки. Специальная одежда будет у школьников и для работы в мастерской, на пришкольном участке.

Успех работы новых учебных заведений во многом будет зависеть от преподавателей, от их знания своего предмета и педагогических навыков.

В Академии педагогических наук проведена предварительная работа по организации деятельности школ-интернатов. Составлен проект положения об интернате, разработаны примерный режим дня, критерии оценки качества учебной организации, родительского комитета и классном руководителе, правила поведения учащихся.

Опыт, практика первого года обучения покажут, какими методами и средствами совершенствовать работу школ-интернатов. Дело это новое. Педагоги, пионеры, родители, родившие ответственность, уже сейчас с увлечением творчески решают серьезные вопросы организации школ-интернатов.

Новые учебные заведения вступают в строй. Советские люди радуются, они с честью выполняют свой долг перед партией и правительством в благополучности народа. Дело теперь за тем, чтобы школы-интернаты получили широкое развитие. Долг каждого педагога-воспитателя, комсомольского и пионерского работника — с честью выполнить большую задачу, поставленную перед ними нашей партией, народом.

К 100-летию
со дня рождения
Ивана Франко

А. ПАЛЕЙ

НА РОДИНЕ ПОЭТА

Фото Е. Вилевича и И. Картузова.

замечательные стихи, так точно и образно передавшие картину старых Нагуевичей:

Внизу, у гор, село лежит.
Попадаю лесом туман дождит,
А на взгорьях, вся черна,
Кузня старая видна.

В этой кузнице будущий писатель часто, затая дыхание, слушал рассказы отца и его товарищей об тяжелой жизни, о том, что народ должен бороться с силами и встать на защиту своих интересов. Отцовская кузница была первой жизненной школой Ивана Франко. Дни, проведенные в ней, определили всю дальнейшую жизнь писателя-революционера.

Иван Франко писал: «Как сельский, вкормленный черством мужицкий хлебом, я считал своей обязанностью отдать всю свою жизнь этому простому народу. Воспитанный в суровой школе, я с малых лет усвоил две заповеди: первая — чувство святой обязанности перед народом, вторая — необходимость неумолимой работы».

Десятьлетия прошли с тех пор, как в последний раз посетил родное село Иван Франко. Но время не притупило у одолевшего светлую память о нем, неутомимую любовь к нему. Здесь все живет его именем. Село, его центральная улица, растянувшаяся на несколько километров, колхоз, школа-десятилетка, библиотека, ясли — все названо именем Ивана Франко. И если кто хочет узнать о жизни и деятельности писателя, услышать о том, как создавал он свои произведения, с кого писал литературные портреты, где и когда произошло то или иное событие, описанное им, — пусть приезжает в Нагуевичи, земляки великого каменара обо всем подробно расскажут.

И по сей день в Нагуевичах живут родственники писателя, его современники. С некоторыми из них мы познакомимся. Помнящими Ивана Франко, Юлия Захарьевна Давиш, заканчивает седьмой десяток жизни, а мужу ее, Иосифу Ивановичу, уже за семьдесят. Однако они до мельчайших подробностей сохранили в памяти все, что связано с именем великого писателя. Юлия Захарьевна рассказывает:

— Это было пятьдесят лет назад. Пожелали мы тогда с моим Иосифом. На свадьбу к нам приехал из Львова Иван Яковлевич. Поздравил нас дядя, расселовались мы, а затем повел нас дорогой telling рассказ о делах житейских. Ругал он тогда священников, ксендзов, говорил, что три накурм деду от бедняка, землю у народа отнял. Говорил дядя, что пора думать об организованной борьбе с душителями народа.

КАК ФРАНКО ОРГАНИЗОВАЛ ЧИТАЛЬНЮ

Живет в селе всеми уважаемый Илья Андреевич Бадыйский. Голы обесцветили его некогда голубые глаза, но не угас в них прощательный, умный взгляд, а чудесная память сохранила ценнейшие воспоминания о прошлом. И делится он нам щедро. Бадыйский близко знал Ивана Франко, встречался с ним.

— Впервые я увидел Ивана Яковлевича, — вспоминает старик, которому уже восьмой десяток лет, — когда мне было годовков тринадцать. С тех пор часто приходилось встречать нашего великого земляка, приезжавшего в Нагуевича больше всего летом.

Особенно мне запомнился один жаркий день лета 1897 года. Была тогда уборка урожая. Работа на нашем поле и я. Смотрю, недалеко по пыльной дороге мелкими шагами, едва передвигая ноги, идет человек. Он босиком, пальцы ног в крови, а лицо утомлен-

ное. Шел этот человек, держа руки за спиной, а сзади — жандармы.

Поровнялся с нами арестованный, и — о, ужас! — видишь: это Иван Яковлевич Франко. Привели его жандармы в наше село. Австрийские власти решили «обезоружить бушария» — запретили Франко выезжать из села, встречаться с крестьянами, устроивши за ним слежку.

Но им не под силу было сломить волю писателя. Франко проводил с нами в поле долгие часы, вместе с дечатами пел песни, записывал в свою тетрадку все услышанное от народа.

Как-то Иван Яковлевич с возмущением рассказал нам, что австрийские власти решили с ним заигрывать.

«Вызвали меня, — поведал он нам, — и предложили быть начальником железной дороги в Станиславе. А я посмотрел на своих «друзей» и говорю: «Не нужна мне ваша милость. Вы уж лучше своих панов берите». Не мог же я нацепить на свою шею золотой воротничок начальника, когда мой народ носит на шею цепи...»

Илья Андреевич прервал рассказ, закрыл глаза, точно желая более ясно восстановить в памяти прошлое, а затем продолжал:

— Иван Яковлевич помог открыть в доме

Здесь стояла хата кузницы Якова Франко, в которой родился будущий поэт.

моего отца первую в селе общественную читальню, подарил для нее более сорока книг. Были среди них и им написанные. Как к солдатам, потнувшись народ к читальне. Узнал об этом священник Качковский, забрал все книги писателя и уничтожил их. А нам сказал: «Франковские книги — безбожные, против власти». Но читальня продолжала существовать. Людей в ней стало больше, больше прежнего. Франко присылал нам все новые и новые кни-

В центре села Ивана Франко (бывшие Нагуевичи) воздвигнут памятник поэту-революционеру.

ВНИЗУ, У ГОР, СЕЛО ЛЕЖИТ...

Природа щедро одарила этот край. Поистине надо быть художником, чтобы воспеть красоту Карпат. По мере того, как мы приближались к ним, они представляли перед нами во всем своем величии, в неспиральной, дивной красе.

Машина выехала на дорогу, по обе стороны которой выстроились ряды фруктовых деревьев. Но вскоре точно кто-то оборвал стройную линию абсолюта, и на небольшой возвышенности показался лесок. Сразу же бросился в глаза высокий, стройный дуб. По небольшой лесенке мы поднялись к нему. Вокруг дуба — массивная железная ограда. На ней медная табличка с надписью: «Под этим дубом в молодые годы часто отдыхал Иван Франко, это было его любимым местом. В 1879 году тут он написал свой рассказ «Карандаш»».

Вот они, франковские места! Все эти дорожки и тропки исхода сынышка нагуевичского кузнец Илья Франко. А вот на той полянке Иван на панскую скотину и пел песни, полные тоски по лучшей жизни и...
Нагуевичи. Наше внимание привлекла мраморная плита, на которой высечены слова: «На этом месте стоял дом, в котором 27 августа 1856 года родился выдающийся украинский писатель-революционер Иван Яковлевич Франко». Невольно вспомнились

ти, интересовался, что люди говорят о প্রতিবেশী, как живут дальше жить.

Как-то в один из летних дней 1914 года по селу разнеслась радостная весть: приехал Франко. Я и племянник писателя, Григорий, с которым мы дружили с детства, были тогда в чitalьне. Смотрим, входит Иван Жюльевич. Тепло поздоровалась с нами, разузнал жити-и-быть, а затем стал просматривать книги. Узнали люди, что Франко в чitalьне, и повалили туда. Народу собралось уйма — яблочки негде гулять. Говорил тогда Франко о народных чitalьнях, о том, что книгу надо любить, беречь, что хорошая книга — точно зоркие глаза: прочитай — и жизнь виднее стала. В тот день последний раз мы видели писателя в Нагуевичах.

Однажды Григорий принес грустное известие: Франко тяжело заболел, прикован к постели, средств для жизни у него нет. Вместе с Григорием поехал я тогда во Львов. Организовали мы Комитет помощи Франко. Все наши люди, кто чем мог, помогли любимому писателю.

ПАМЯТНИК В НАГУЕВИЧАХ

На колхозной пасеке мы познакомились с пчеловодом Иваном Андреевичем Гаврыльком и строем тракторной бригады — Григорием Ивановичем Саррабиным. Они прекрасно знают историю села, бережно хранят воспоминания о событиях, происшедших в нем. Но особенно близки и дороги их сердцу воспоминания об Иване Франко. Старый пчеловод рассказал нам такую историю.

— Было это в 1934 году. Собрались крестьяне нашего села и единогласно решили построить памятник Франко. Избрали на том собрании Комитет по строительству памятника, а меня председателем комитета «Обращение». Берет и его, как дорогую память.

На словах власти разрешили собирать деньги на памятник, а на деле мешали этому. Тогда наш комитет написал «Обращение».

Гаврылык вынул из кобового кармана пиджака аккуратно сложенный листок и передал его нам. Вот текст этого обращения:

«К крестьянам, рабочим и трудовым интеллигентам! В свое время выдвинута мысль построить памятник великому каменарю Ивану Франко в его родном селе. В целях проведения мысли в жизнь сейчас образован Комитет строительства памятника Ивану Франко в Нагуевичах, куда вошли крестьяне, признавшие идею, которую провозгласил Иван Франко.

Всем ясно, что строительство памятника, достойного великого поэта, нельзя осуществить собственными силами и средствами бедноты родного полу села. Комитет призывает хозяйственные, профессиональные, культурно-просветительские и политические учреждения, а также всех трудящихся, признающих Ивана Франко, симпатизирующих его идеям, оказать материальную помощь.

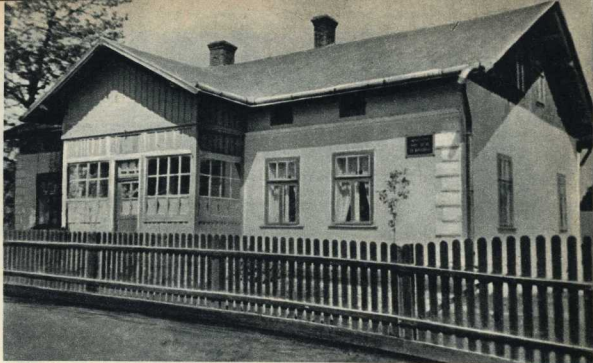
С глубокой верой в силы трудящихся Комитет надеется успешно завершить начатое дело. Нагуевичи, в мае 1934.

Комитет строительства памятника Ивану Франко в Нагуевичах.

— Как только мы напечатали «Обращение», — продолжал свой рассказ Гаврылык, — меня срочно вызвали в Дрогобычскую жандармерию. Собираюсь в дорогу, а сам думаю: с чего бы это меня вызвали? Приехал я в Дрогобыч. Узнал жандарма, кто я, как заговор во все горло: «Ты чего, хлоп проклятый, муть води? Памятник захотел, а знаешь ли ты, что твой Франко — красный?» «Как это и хороню», — отвечал «Замолчи, болшевики, а что спую тебе в тюрьме!» — еще крике начал кричать жандарм. Много в тот день пришлось мне перетерпеть издевательства, оскорблений и унижений. Заставили меня спалить три тысячи экземпляров «Обращения». Вот только один удалось сохранить.

— Значит, так и не смогли построить памятник? — спрашиваем у Гаврылыка.

— Как же не построили! Построили. Да какой памятник! — замечает Саррабин. А затем, помолдав немного, добавляет: Только при Советской власти. Вы он какой, поглядите! Стоит, точно живого!

В этом доме находится мемориальный музей Ивана Франко.

Мы направилась к центру села, где на самом видном месте стоит памятник Франко. Писатель, действительно, точно живой, смотрит на родные Нагуевичи. Новая светлая жизнь пришла в этот некогда убогий и заброшенный уголоч Галиции.

ВОТ ОНА, НОВАЯ ЖИЗНЬ!

Иван Франко мечтал о том дне, когда его народ расправит плечи, скинет ярмо угнетения и нищеты. То, о чем мечтал великий писатель, чему он посвятил всю свою пламенную жизнь, стало явью в наши дни. За годы Советской власти в Нагуевичах произошли разительные перемены.

...На центральной улице села — мемориальный музей Ивана Франко. В нем работают комсомолки — заведующая Елена Косовская и экскурсовод Мария Буцук. Только недавно девушки получили аттестаты зрелости. В музее любовно и со знанием дела собрано много интересных документов.

— Взгляните на этот стэнд, — приглашает Косовская экскурсантов. — Вот как выглядело наше село.

В 1860 году в Нагуевичах 95 процентов крестьян были безграмотными. На 430 дворов — одноклассная школа, две церкви, три корчмы.

Грандиозные изменения произошли в жизни земляков писателя. В 1948 году около 500 хозяйств единоличников объединились в

колхоз и дали ему имя Ивана Франко. Исчезли существовавшие вокруг Нагуевичей клочки изрезанной, истерзанной земли. Государство дало молодой артели сельскохозяйственные машины, семена — все необходимое, чтобы она росла, крепла.

Председатель колхоза — тридцатитысячник Иван Владимирович Моштарский — с искренней гордостью рассказывает о грандиозных изменениях, происшедших в жизни земляков:

— В нашем селе за последние два года построено более 70 зданий. 57 из них — жилые дома колхозников. Только в этом году колхоз затратил на строительство почти полмиллиона рублей. К 1958 году предполагаем построить еще около 400 жилых, культурно-бытовых и производственных помещений.

Из года в год улучшается экономика колхоза. В прошлом году он получил около полу-миллиона рублей прибыли, а в этом году планируем получить шесть миллионов.

В этом колхозе выросли замечательные люди — гордость села, слава артели. Всесобитим уважением здесь пользуются одоформлен писатель бригадир полеводческой бригады Иван Петрович Франко, женщина-коммунистка Мария Чапля, комсомолка Мария Буцук, комсомольцы-трактористы Федор Чапля, Емельян Фридер, комсомолки-содовщицы Степан Лазоричи, доярки Анна Буцук и Екатерина Лазоричи и многие другие.

С интересом слушают односельчане рассказ Илии Андреевича Бадрынского (в центре) о его встречах с писателем.

Все в колхозе радуется глаз, во всем чувствуется, что стоит артель на крепких ногах, уверенно идет в гору. И нужно ли удивляться тому, что вчерашние бедняки сегодня так гордо рассказывают о своем колхозе, так заботятся о его процветании! Любуются и искренне радуются тому, что им довелось повидать в обновленном селе, мы невольно вспоминали его прошлое, о котором с такой скорбью писал Франко: «Черные как земля, члбы, угоние, ободравные старье, набок покосилась...» Все это кануло в вечность!

Идем широкой и длинной улицей, несшей имя писателя. Новые дома украшают ее обе стороны. На солнце, точно серебро, переливаются цинк крыши. Открытые окна украшены нарядными занавесками. Словно их азурную вязку на простор вырываются чудесные мелодии. Их разносит десятки радиоприемников, сотни репродукторов.

Поднялась культура села, народ потянулся к знаниям. Вчерашние безграмотные крестьяне сегодня читают художественную литературу, следят за жизнью страны. Сотни детей колхозников обучаются в выстроенной при Советской власти двухэтажной школе-десятилетке. Многие ее воспитанники уже окончили высшие учебные заведения, иные продолжают образование в различных институтах, техникумах. Комсомолка Анна Гаврылык окончила недавно историко-филологический факультет Дрогобычского педагогического института. Опубликованная в печати ее работа «Иван Франко в воспоминаниях колхозницы» вызвала большой интерес. Анна Кибила получила диплом инженера, а Степан Чапля — агронома. Педагогическому труду посвятили себя Мария Гром, Екатерина Дрогобычка, Юлия Гром. Иван Цювик обучается в Киевском театральном институте, готовится стать актером, а Дмитрий Хруник решил получить музыкальное образование.

В центре села аккуратный домик. Небольшая вывеска на его дверях гласит: «Библиотека имени Ивана Франко». Знакомится с ее заведующей — комсомолкой Полиной Капиль, окончившей Самборский техникум культурпросветработы.

— Библиотека наша растет. Имеем уже более пяти тысяч книг,— рассказывает она.— Вот беда только — тесновато стало в этом домике. Уже полки для книг некуда ставить. Желательно закончат строить колхозный Дворец культуры.

А пока и в этом тесном помещении библиотека проводит большую работу. Сотни колхозников — активные читатели библиотеки. Взгляните в читательские формуляры — и вы убедитесь, как велик круг их интересов. Среди молодого колхозника Осипа Васильевича Грома и молодую колхозницу Мирославу Микитюк, механизатора Степана Лужко и многих, многих других интересуют художественная, сельскохозяйственная литература, книги о нашей Родине и о странах народной демократии. Они уже прочитали почти все лучшее в классической мировой, русской и украинской литературе.

Недавно библиотека провела читательскую конференцию по роману Ивана Франко «Борислав смеется». В ней приняли участие председатель колхоза Иван Микутинский, председатель сельхозуправления Ульяна Твардовская, комсомолка Ульяна Твардовская, комсомолка Розалия Чапля и многие другие читатели творчества великого писателя.

— Ну, а много газет, журналов получают жители села? — спрашивает у заведующей библиотекой.

— Выписываем мы 700 различных газет, 300 журналов... с гордостью говорит Полина.

— Вечером, когда в домах колхозников зажглись огни, а с гор повеяло прохладой, мы прощались с гостеприимными земляками Ивана Франко. «Любела» тронулась. Где-то за поворотом, точно посылая нам последние приветствия, постепенно начала исчезать отсюда дымок. Вспархивая от дороги, вступила в гору — наша машина, темнея дальняя цепь гор — Дива, Востыславская, Червона и много других безымянных. Мы увозили с собой прекрасное чувство радостного волнения от всего виденного и услышанного на обновленной земле великого поэта.

Иван ФРАНКО

РУСАЛКА

(Плетня сказка)

— Гандзя, Гандзяюля! Посиди, голубка, дома, а я схожу в лес по грибы!
— Возьмите и меня с собой, мамуля! — говорит маленькая Гандзя, чуть не плача. — Мне одной страшно в хате!

— Ай-ай-ай! Такая большая девка выросла, кто замуж выдает, а ей бязьм дием в хате страшно! Студись! И как я возьму тебя в лес! Разве ты сможешь пройти через лес!
— Смогу, мамуля, смогу, не бойтесь, — говорит Гандзя, повелевая.

— Нет, нет, сиди дома! Там в лесу русалки, знаешь, так, с зелеными косами! Они забирают маленьких девочек!
О, я русалок не боюсь, мамуля! Мне недавно принесли одна... Мы так славно играли! А она все смеялась... Правда, мамуля, ведь русалки смеются звонко-звонко!.. Да и говорят: «Гандзя, ку-у!» А я говорю: «Я тут!» А она говорит: «Приходи, Гандзя, в лес, там у нас такие качели, у-у, у-у!» Возьмите меня, мамуночка, возьмите, можете, увидим ее! Я так бы хотела покататься с нею!

— Что ты такое говоришь, глупая! Посиди в хате, а завтра даяри, никто сюда не войдет. А я скоро вернусь, не бойся!

Мать ушла. Скрипнула деревянный засов, звякнул железный ключ. Гандзя заплакала.

— Почему мама не захотела взять меня! Я бы увидела русалку! А там в лесу так хорошо, так тихо, зелено, тепло... Ой, это мамал! Заперла меня... а сама в лес ушла, одна!

Хата, где жила гандзянина мать, стояла на самой окраине. С трех сторон подступал к ней навали густой, темный, вечно печальный лес, он неуловимо шумел, напевал качую-то танцевальную песню. Странная песня! От иных ее звуков щемит на сердце; иные уносят за собой мысль в какие-то бескрайние, непроходимые дали пространства, в темную бездну; иные затравывают в душе самые глубокие и сильные струны, будят жажду музыки, энергию, стремление к неутомимому труду, к светлему будущему, а иные навевают качую-то непонятную, глубокую тоску. Гандзя родилась под шум такой песни; с тех пор, как стала

различать звуки, она слышала ее чаще всего, и не диво, что песня эта зачаровала всю ее нервную натуру. Во сне и наяву, зимними вечерами, когда ревели буря и лес стонал, как тысячи раненых на поля боя, прислушивалась она к этой песне; радовалась ей весной, когда теплый ветер едва-едва шевелил влажные, еще безлистные, но уже налитые свежим соком ветки; прислушивалась к ней в жаркий летний полдень, когда не чувствовалось ветра, а между тем по верхинам ходят качаю-то танцевальный шепот, не то вздох, не то сонный лепет задремавших на солнышке деревьев. Детская фантазия дала и ночь блуждала по лесу и в шорохе его находила отклик на свои крошечные, но такие важные и большие для нее радости и огорчения. И не удивительно, что лесная песня заворочила нежную, впечатлительную Гандзя. Во сне и наяву было у нее только одно на уме — лес и его тайны. Все лучшее, самое прекрасное, что запомнила она за свою коротенькую жизнь (а ей всего пять лет!), все это неразрывно связано было с лесом. Ах, как охотно, с каким восторгом слушала она сказки о лесных духах, об этих и страшных и привлекательных созданиях народной фантазии, а особенно о русалках с белыми, как березовая кора, личиками и с длинными зелеными косами! Она не могла понять: почему другие дети боятся русалок! Ведь они такие красивые, такие добрые к хорошему детям, так рады поиграть с ними в лесной зелени, покататься на длинных, тонких березовых ветках (а Гандзя так любила качаться!) и смеются так весело, поют так чудесно! Их голоса, точно серебряные колокольчики, нередко зазвенят в гандзянских снах, и она была счастлива, слушая их издали... Но она никогда еще не видела русалок своими глазами. Как жаль, что мама не захотела сегодня взять ее с собой в лес! Сегодня она, конечно, увидела бы русалку, непременно увидела бы! Ведь недаром ей снится русалки, вот уже сколько ночей поют они, так звонко смеются, качаются на ветках и все зовут ее к себе, в лес...
У-у! У-у! Иди, иди!..

Гандзя заплакала. Она оглядела хату. Как здало убого, сыро, сумрачно! В углах стоял туман — страшно! Ей вспомнились призраки, которыми успокаивали ее, когда она, бывало, заплачет!

Лес кусяна
З-за сусуна!
Зуби заурчала,
Зуби заурчала,
Руны заручила,
Руны заручила,
В сердце и гострий повоице,
В плечах ий дубовий колпаче!

Она задрожала; с опаской поглядела на потолок, где торчал забитый тудя черный, толстый, с диковинной резьбой деревянный крюк. В — воображении этот крюк и был русалкой. Лежа в постели, она не раз подумала взгляды в него, испытывая тайный страх; все жуткие истории, которые рассказывали ей бабушка, она связывала с этим крюком. И сейчас в немой тревоге она взгляды в крюк, и чем дольше смотрела на нее, тем больше ка-

ПОШКА

Рассказ

«Наша дочурка, наша крошка, наш единственный ребенок» — так говорили мама и папа о Татьяне тогда, когда Тая, вернее Тата, пузляшка, с румяными и тугими, как и мочка, щеками, стрелками и крохотке с трехразмерными сетками и, держась за перекаланные, смеялась, обняв безудные бедра.

«Вот, кто видел Тату, умлялка и мянча на ее пальчики, и «перезачинок» на ручках и локках, и шелковистые бровные волососки. Что же касает родителей, то они от Теты были буквально без ума.

— Смотрите! Смотрите! — восторженно кричала мать Анастасия Васильевна, усадив обычное младенческое «гагу» своей Таты. — Она уже говорит! Она сейчас сказала «мама» и еще «дай-дай». Вы слышали, слышали?!

И хотя никто ничего подобного не слышал, все соглашались. Папа же с несколько озабоченным видом завывал:

— Такая малютка, а уже слух какой! Понимаете, поет. Да, да, черт меня побери, поет! Вот сейчас вы услышите...

И, присаживаясь на корточки, присев восторженно кривляясь, Николай Сергеевич начинала причмокивать, причмокивая, ахукая.

Но какого мглоения Тата производила, насколько она была рада, смотрела на отца, а затем радостно, пронзительно визжала.

— Вот видите! — удовлетворенно провозгласил Николай Сергеевич. — Я же говорил...

«Наша дочурка, наша крошка, наш единственный ребенок» — с гордостью заявляли о Татьяне мама и папа и тогда, когда Тая надела первое коричневое платье с белыми кружевными манжетами и воротничком. Это платье, черный фартук и заплетеные в тугой косичку волосы — ее было мило и немножко смешно. Смешно потому, что в школьной форме, в гладкой прическе без челочки и без

выворотов унавалялось нечто подчеркивающее серьезное, строгое, хотя носик у Танечки был еще по-ребенку вздернут, а глаза сохраняли прежнее выражение радости и любознательности.

За эти несколько лет папа и мама все открывали и открывали «сталанты» в своей дочурке. Сперва они углубили в Тате вторую Нежность, затем — вторую Унавогу, потом еще бо весть кого. Часто, добившись исполнения своих капризов, «крошка» учиняла столь громкий рев и крик, что лопь уши зашаталя. Иногда она ложилась на пол и, стуча башмачками по паркет, орала, а ее родители ходили вокруг и, страдальчески прижимая и прощая руки, уговаривали:

«Ну, милая! Ну, перестав же! Ну, Танюшка!

Они с трудом поднимали девочку, целовали, при этом укоряя и ругая друг друга, что неправедно обращаются с ребенком, доводят его знает до чего.

— Она у нас очень нервная, очень впечатлительная», — говорили папа, мама своим знакомым. — Просто-таки необразим, что делается!

Когда Тая пошла в школу, за нее Анастасия Васильевна стало еще больше. Совершенно нежизненно казалась то на свете уйма несправедливых людей: на днюк соседа адрут заявила: «Тата грубиянка!». Но разве это возможно? А учительница поставила за грубую тетрадь двойку. Но кто же не знает, что чернилка — на то и чернилка... оно обязательно делается жлиски!

У танецкой мамы голова шла крутом. Танечка некогда, у нее юнок, занятая! А ведь ее надо и покорить, с ней надо и погулять! А потом эти иркушки! Их надо убраться на местю. Но куда же улететь все это Тате? И приходится Анастасии Васильевне и иркушки убраться и вешать сброшенное свое гоняния на диван танюшкино пальтишко...

лесовато-дымном мареве, как буд-то вышло под лучами солнца. Незаметно вернувшись в лесных полянках, берегах рек и озер, на мыльстых болотах, по цветам за еще празднуют лето. Ярко горят различные жидоцветы, малыши, сияют васильки и колокольчики, белют таволга и ромашка, а блики и осени — ясные очи белозоров.

В безразных роках, хаюных борях и смешанных лесах стучат птичий гомон. Их веселые летные постылки вывели птенцов, на-

«Наша крошка, наш единственный ребенок», — говорили озабоченно о Татьяне мама, папа и тогда, когда дожидаясь очереди к декану института и кода беседовали с членами приемной комиссии.

В какой вуз подать заявление, какую выбрать специальность для Таты, чему добиться ее жизни? Подумать только обо всем этом — и голову так странно становится. А адрут ошибается, адрут заблеще не то, что по душе и больше всего отвечает ее натуре?

От беспокойных мыслей таяния папа даже не спит по ночам. А в это время единственный ребенок под джазовую музыку отшлоривает о маркет подтежки туфельки и уже переключается с подругами, кто на малышково и кто как сказал. И уже зевает Тата над книгами, уже заготовленному было обую тетрадь с надписью «Дневник» и с восторженно как «ашира» пята-той, звучащей в смеющую жизнь, заменила ей книжечка с алфавитом, куда занесены адреса ее модию-подрут, портынк и администратю-воркх асно и театров города.

— Наша дочурка, наша крошка, наш единственный ребенок! — бесслышно опускаясь на стул, провозгласил папа. Татьяна и ставит хулы-хулы портфель на пол.

Посмотреть на папу и — ой, как лезит время! Нет уже волнистой шелковой Завятаки а кулаке гладко гуляет по гладкой поверхно-

сти темени. И дышит папа тяжело, точно не адрут подлая его, а сам себя втащил он на зный этаж.

— Послушай! — продолжает папа, просительно смотря в глаза своего старого товарища, ныне руководителя учреждения! — Понимаешь, единственный ребенок, а тут такая мрачная перспектива: она еще не закончила дипломной работы, а их уже понимаешь, распределюют...

— Так-так... Ну-с? — тнет старый друг.

В нем просыпается глухое раздражение к татыному плану. «Увы, дол, а тут... так нехотать! Но... перед ним действительно старый приятель, так сказать, одноклассик...

— Что же ты, собственно, хочешь? — спрашивает вялостылый товарищ.

— Да сушке, понимаешь, пятаки! — отвечает татыния сын. — Директор института, оказалось, спленил как раз по твоей области. Он же может и адрут тебе, и... понимаешь, у тебя штат... Что-нибудь вроде секретаря... Я и дочурка — мы, то есть она... со-

Рисунки Е. Гурова.

Заметки филолога

ЗАКАТ ЛЕТА

Июнь — перелетное, июль — зенит нашего лета, а август — зенитный и являющийся закат. Еще тепле, август в наших краях изредка даже жарче июля, еще горючно над просторами среднерусской полейки, грозы, и скоротечные линии шедро омывают июльскую землю, летящие облака. Но нем блики и сентябрь, тем ренне и глуше пронизывает гром, такие выдают себя, когда совершенно недвусмысленно. Метеорологи называют это явление «летнее обыкновенное» росе дождю, почти до самого полудня, не сходит, с трава гонубовато-зеленый налет. Меленек ли, зверь или птица проидут — остается ясно выразные проидут, в бетрири, цепко, стелется туман, и на рассвете низкие наддани кажутся озаренн. А небо уже совсем не такое, как весной и ранним летом: оно в бе-

учили их летать, добывать пищу, бороться за жизнь, а теперь набираются сил для далеких осенних перелетов и местам зимнего жилья. Первые попуты нас быстротечные черные стрини. Бывает, что они улетают в самом начале августа, или середине месяца обязательно наступит их массовое отлет. Сборы у них неслучайны: еще ввечра, стремительно носынки они, раскинув крылья, а сегодня, глядя на сбывающиеся многотысячные стаи, слышали несомненно кругом, как бы проверия, надеждо ли сбывающихся надежд, — и только мы их и видели до будущего года.

Отлет стриней — первый признак того, что наше быстротечное весеннее лето покатилось под гору. За стринями — блики и концы августа — затеряются на юг, там похолоно на их ласточкин. Они похолоно стриней, крылья у них в полете не загибаются назад, улудуются. У касати хвостик распухает, а савая маленькая из наших ласточек, береговушка, сероватобура.

Очень любят у нас в народе ласточку — эту милую, веселую птичку, доверчиво селющуюся в доме

человека и наполняющую его юные ласточкой шобетением. Большое полье приносит ласточка: она уничтожает бесчисленное множество всевозможных мух, мушек, гусениц — врагов полей, садов и огородов.

Проводит день — другой полет на часах массового отлета ласточек, и вышло в небо мы увидим пердоли: еще ввечра, стремительно носынки они, раскинув крылья, а сегодня, глядя на сбывающиеся многотысячные стаи, слышали несомненно кругом, как бы проверия, надеждо ли сбывающихся надежд, — и только мы их и видели до будущего года.

Отлет стриней — первый признак того, что наше быстротечное весеннее лето покатилось под гору. За стринями — блики и концы августа — затеряются на юг, там похолоно на их ласточкин. Они похолоно стриней, крылья у них в полете не загибаются назад, улудуются. У касати хвостик распухает, а савая маленькая из наших ласточек, береговушка, сероватобура.

Очень любят у нас в народе ласточку — эту милую, веселую птичку, доверчиво селющуюся в доме человека и наполняющую его юные ласточкой шобетением. Большое полье приносит ласточка: она уничтожает бесчисленное множество всевозможных мух, мушек, гусениц — врагов полей, садов и огородов.

Проводит день — другой полет на часах массового отлета ласточек, и вышло в небо мы увидим пердоли: еще ввечра, стремительно носынки они, раскинув крылья, а сегодня, глядя на сбывающиеся многотысячные стаи, слышали несомненно кругом, как бы проверия, надеждо ли сбывающихся надежд, — и только мы их и видели до будущего года.

Цена номера
2 руб.

